

ПСИХОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО СОЗНАНИЯ (МЕНТАЛИСТИКА)

УДК 159.9

СОЗНАНИЕ И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ¹

© 2002 Г.В. Акопов

Самарский государственный педагогический университет

В статье рассматриваются вопросы определения сознания через различные категории, такие как: отражение, рефлексия, самосознание, интеграция психических новообразований, знания и т.д. Во множестве определений сознания отражено многообразие функций сознания в сложной взаимосвязи субъекта и окружающего предметно-социального мира: познание, отношение, целеполагание, регуляция и т.д. Конструирование новых дефиниций сознания соответствует логике междисциплинарного, унитарного или системного подходов. Описан принцип контакта и свободы в работе сознания: установление контакта индивида с социальным окружением происходит при постоянной потребности в самостоятельном принятии решений.

Дефиниции сознания

Определение сознания представляет не только научную проблему, но и весьма важную прикладную практическую задачу, в частности, в таких сферах социальной жизни, как правовая регламентация (вменяемость, степень осознания и т. д.); детство, старение, болезнь (сознательность); образование, организационное управление, менеджмент и т. д. (полнота осознания), межличностное взаимодействие, психотерапия (самосознание, саморегуляция) и др. Унитарность и междисциплинарность подходов, не всегда надежно рефлектируемых, со всей очевидностью проявляется в различных дефинициях сознания, во многих из которых трудно выделить качественную специфику, сущностную характеристику.

Наиболее корректное, с позиций научной логики, унитарное определение было сформулировано в текущие годы А.В.Петровским [24]. В этом определении сознание трактуется как «целостный образ действительности..., реализующий мотивы и отношения субъектов и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект. В качестве

логического ядра определения категории «сознание» А.В.Петровский полагает такую «базисную категорию», как «образ», а оформляющими категориями – «действие», «мотив», «взаимоотношения», «переживание», «субъект» [24,с.281].

Новым и весьма перспективным в этой публикации автора представляется опыт построения категориальной системы психологии. В советский период такой опыт был предпринят К.К.Платоновым, но в междисциплинарном, философско-психологическом плане. Опыт А.В.Петровского осуществлен в рамках концепта «теоретической психологии». В категориальной системе *Сознание* отнесено к метапсихологической категории в «кластере когнитивности», который включает, в порядке восхождения, следующие категории: Сигнал – Ощущение – Образ – Сознание – Разум. Следует отметить, что в системе А.В.Петровского ряд метапсихологических категорий включает: Я – Ценность – Деятельность – Сознание – Чувство – Общение – Предметность [24,с. 286]. Прослеживая путь восхождения от «Сигнала» к «Миропостижению», автор фиксирует освобождение картины мира от «гнета сиюминутных нужд, диктата по-

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ 00-06-00085а

требностей, пристрастности мотивов, наводки ценностей человека». В цепочке: Сигнал – Ощущение – Образ – Сознание – Разум, автор усматривает «ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему», или наоборот, «уникальному» знанию)» [24, с.292].

Однако, вернемся к более ранним, междисциплинарным трактовкам *Сознания* в отечественной психологии.

Широкий спектр определений сознания приводится в работе А.Г.Спиркина [33]. В этом перечне к философским определениям можно отнести: осознанное бытие и отношение «Я» к «не Я», субъективный образ объективного мира, свойство высокоорганизованной материи, идеальную сторону целеполагающей практической деятельности человека, высшую форму психического отражения действительности.

Философский характер традиционных определений *Сознания* в отечественной психологии констатирует также В.Ф.Петренко в своем обзоре проблемы [23].

Подоплека философских определений сознания в отечественной психологии достаточно прозрачна. Как отмечает Е.С.Авербух, для диалектического материализма важно в гносеологическом плане подчеркнуть первичность материального и вторичность идеального, а также зависимость формирования индивидуального сознания от общественного бытия. Анализируя различные определения сознания, Е.С.Авербух приходит к выводу, что эти определения не позволяют понять сущность изучаемого явления, они являются лишь интроспективными, образными описаниями. Автор считает, что качественную особенность сознания психологи преимущественно характеризуют в социально-генетическом, нежели в психологическом плане [1].

Достаточно определено, хотя и реже, выражен другой полюс физиологических определений сознания. Так, дифференцируя сознание правшей и левшей,

Н.Н.Брагина и Т.А.Доброхотова утверждают, что сознание человека есть свойство пространства и времени его головного мозга [7].

Близким и синтетичным можно назвать определение Б.В.Зейгарник: «сознание рассматривается как высшая, связанная с речью, функция мозга, отражающая в обобщенном виде реальную действительность и целенаправленно регулирующая деятельность человека» [10, с.53].

Возвращаясь к перечню определений сознания А.Г.Спиркина, можно выделить большую группу собственно психологических дефиниций, в которой выделяется подгруппа определений сознания сведением его к отдельным психическим явлениям (процессам, состояниям, свойствам), либо их определенной совокупности, либо их интегративной системе. К этой подгруппе относятся: способность отдавать отчет в своих мыслях, чувствах и актах, способность правильно расценивать окружающее, способность к целенаправленной, планомерной деятельности; особенности сочетания психических процессов; арена, на которой разыгрываются ассоциативные процессы; поток впечатлений или чувствований, сменяющихся душевных состояний и т. д. [33].

В этой группе унитарных дефиниций, в частности, определение сознания как рационального, наиболее выстроенной в теоретическом и экспериментальном планах можно считать концепцию А.Р.Лурия. Автор считает, что «в отличие от животных, человек обладает новыми формами отражения действительности – не наглядным чувственным, а отвлеченным опытом. Такая особенность и характеризует сознание человека... Эта черта – способность человека переходить за пределы наглядного, непосредственного опыта и есть фундаментальная особенность его сознания» [20, с.13]. «Переход от чувственного к рациональному... составляет основную черту сознательной деятельности человека, являющейся продуктом общественно-исторического развития»

[20,с.264]. Таким образом, с точки зрения А.Р.Лурия, сущностная характеристика сознания определяется мышлением, которое в своем социогенетическом и онтогенетическом развитии проходит фазы от наглядно-действенного (чувственного) к словесно-логическому, т. е. отвлеченному от реальных объектов (рациональному).

Другой психический процесс, часто избираемый в качестве сущностной характеристики сознания, может быть определен как рефлексия или самосознание. Так, В.М.Розин определяет человеческое сознание через сознание в языке, сознание культурное и сознание как самосознание [27].

А.С.Горбатенко определяет сознание как «особенность психики, позволяющая ей быть направленной на саму себя, отделив контролируемые аспекты психики от неконтролируемых, и на свое «тело», выделяя его из окружающего мира». «Сознание – особое свойство психики, специально направленное на самоконтроль жизнедеятельности индивида, в том числе, на контроль функционирования самой психики» [9,с.49].

Согласно Р.С.Немову, в основе сознания лежит «рефлексивная способность», т. е. познание сознанием психических явлений и самого себя, а именно: «ощущение себя познающим субъектом, способность мысленно представить существующую и воображаемую действительность, контролировать собственные психические и поведенческие состояния, управлять ими...» [21,с. 133].

Достаточно редкую для психологии дефиницию сознания находим у Ю.М.Орлова, считающего, что «сознание с самого начала осуществляется одновременно с произвольным движением». Согласно Ю.М.Орлову, «акт сознания возникает преимущественно в процессе осуществления произвольных действий», и далее – «сознание всегда есть осознание действия и его обстоятельств... после того как прекращаются умственные или практические действия, сразу же исчезает и сознание»

[22,с.75]. Вместе с тем, Ю.М.Орлов для объяснения феноменов сознания привлекает также категорию переживания, в частности, отмечая, что наиболее отчетливое сознание связано с действием и переживанием. Однако, последнее Ю.М.Орлов также сводит к действию, рассматривая переживание как действия, направленные на достижение или преодоление тех или иных эмоциональных состояний. Ю.М.Орлов, также как несколько позже В.М.Аллахвердов, обнаруживает, что «монотонные действия или однообразные состояния души приводят к исчезновению сознания, т. к. отсутствует необходимость что-то регулировать...» [22,с.75]. В связи с концепцией Ю.М.Орлова, необходимо отметить, что знаменитый автор теории поэтапно-планомерного формирования психических действий связывал с сознанием не само действие, а его ориентированную часть [8].

К этой же группе определений сознания через психические процессы (мышление, рефлексия, действие и т. д.) можно отнести представление П.В.Симонова о сознании как знании, которое с помощью слов, материальных символов и обобщенных образов художественных произведений может быть передано, может стать достоянием других членов общества. Контакт, коммуникация составляет существенную характеристику сознания, т. к. содержание коммуникативных актов могут наполнять образы, которые «не будучи полностью вербализованы, безусловно, принадлежат сфере сознания» [31].

Комментируя «критерий П.В.Симонова»: сознание есть оперирование знанием, способность к направленной передаче информации от одного лица к другому в виде абстрактных символов (слов, художественных образов и т. п.), А.М.Иваницкий предполагает, что эти символы или знаки должны быть выучены или найдены самим субъектом, а не быть врожденными, и в этом случае контакт, коммуникацию пчел, муравьев и других насекомых невозможно квалифицировать как проявление сознания [17].

Выделяя объективный (внешний наблюдатель) и субъективный (сам человек) критерии сознания, по которым можно определить наличие сознания, А.М.Иваницкий никак не объясняет с позиций критерия П.В.Симонова факт узнавания себя в зеркале как один из точных признаков сознания; должна ли иметь место и в этом случае явная или скрытая коммуникация, либо это еще один, «критерий зеркала»?

Если не акцентировать контекст коммуникации как существенной характеристики сознания в концепции П.В.Симонова, можно обнаружить ее совпадение с определением А.Г.Спиркина: «сознание есть знание о внешнем и внутреннем мире, о самом себе. Вне знания нет сознания» [33, с. 81]. «Осознать объект – значит включить его в систему своих знаний и отнести к определенному классу предметов» [33, с. 82]. Последнее уже очень похоже на более позднее концептуальное построение В.М.Аллахвердова [4].

Концепцию П.В.Симонова отличает от многих других также то, что в ней понятие «сознание» определяется соотносительно с определением бессознательного, к чему призывал еще автор одной из публикаций в материалах симпозиума «Проблемы сознания» А.Н.Шогам [36]. Он указывает на ошибочность изолированных дефиниций сознания и бессознательного. И в качестве примеров таких ошибок отмечает отождествления: «сознание» и «психика», «общественное сознание» и «индивидуальное сознание», «сознание и сознательность». Относя, в частности, автоматизмы к проявлениям бессознательного, А.Н.Шогам относит к «заслугам» автоматизмов «свободу выбора, творчества, активности, которыми характеризуются самые высокие акты сознания» [36]. Связка «сознание – бессознательное» в определениях П.В.Симонова глубоко раскрывается через описание структуры сознания.

В обсуждаемой группе унитарных дефиниций сознания необходимо также выделить те определения, в которых в качестве сущностных характеристик со-

знания рассматриваются личность, субъект и «Я» человека.

В философских этюдах Г.Г.Шпета, в работе «Сознание и его собственник», прямо затрагивающей эту проблему, автор резко критикует взгляды Н.Лосского, рассматривающего «Я» в качестве объединенного содержания сознания. Г.Г.Шпет пишет, что, «если мы начнем анализ сознания с анализа «Я», мы придем к тому, что мы везде присутствия этого «Я» откроем... если же исследуем само сознание, то мы только найдем, что это есть всегда сознание что-нибудь. Это «что-нибудь» раскрывается как система отношений, присутствие в которых для «Я» необязательно, - оно может быть здесь, но может и не быть» [39, с. 67]. И далее, Г.Г.Шпет категорично заключает: «сознание, субъект и «Я» – вещи совершенно разные, и нельзя одну из них подменить другой» [39, с. 72]. Можно предположить, что проблема сознания значительно шире, чем проблема «Я», т. к. «Я» не представляет «единственной формы единства сознания» [39, с. 68]. Однако, Г.Г.Шпет на длительное время был «отстранен» от официальной психологии и критиковался за идеализм, феноменологизм, гуссерлианство.

Если рассматривать «Я» как проявление личности, то, обращаясь к творческому наследию П.Я.Гальперина, находим ту же, что и у Г.Г.Шпета, ограниченность сферы личности по сравнению со сферой сознания. Так, П.Я.Гальперин отмечает, что «личность невозможна без сознания, но не сводится к нему – сознание не равно личности. Действует не сознание, а личность, которая регулирует свои действия на основе сознания, составляющего ориентировочную часть его действий» [8, с. 204].

Если у П.Я.Гальперина сознание - это основа регуляции действий личности, то у Л.И.Божович «сознание является центром, в котором интегрируются все психологические новообразования, определяя тем самым личность субъекта, как «высшую психологическую систему», по Л.С.Выгот-

скому, ее структуру, ее возрастные и индивидуальные особенности» [6, с. 118].

Противоположный подход находим в работе В.И.Слободчикова и Е.И.Исаева, у которых «Я» выступает как «центральная инстанция сознания человека». Авторы дополняют «традиционную трактовку сознания», отождествляющую его с самосознанием, т. е. «знанием субъекта о мире и своем месте в нем», как проявлением способности «отделить в представлении себя, свое «Я» от своего жизненного окружения; сделать свой внутренний мир, свою субъективность осмысления и понимания - главной способностью «практического преобразования» этих проявлений [32, с.177-180].

Невозможность отождествления сознания и личности, «Я» весьма образно выражена в суждении В.П.Зинченко, характеризующем сознание: «Оно многослойно, полицентрично, полифонично, абсолютно свободно. Оно легко преодолевает самые суровые определения бытия, такие как пространство, время, социум, но оно преодолевает их в себе и для себя, что далеко не всегда совпадает с их преодолением для субъекта сознания, для его собственного «Я» [13, с. 71].

Попытка интегрирующего подхода (высшая интеграция психических процессов, состояний, свойств личности) осуществлена К.К.Платоновым [25]. Однако, рассматривая в качестве атрибутов сознания, т. е. неотъемлемых свойств, без которых не существует сознание, переживание, познание и отношение, автор скорее исследует структуру сознания, нежели ее существенную характеристику, и сознание вновь рассматривается в широком плане, как и вся психика. Эта тонкость, замечаемая не всеми исследователями, отчетливо артикулирована в определении Е.А.Климова. Автор формулирует следующие возможные определения сознания:

- сознание как обозначение психики человека, в отличие от психики животных, синоним термина «психика человека»;
- процесс рефлексирования, т. е. способность человека отдавать себе тот или

иной отчет о происходящем вокруг него или в его внутреннем мире и в организме [18].

Способность отдавать себе (или другим) отчет весьма часто используется в определениях сознания и может варьировать от вполне ясного высказывания мыслей себе и другим до смутно выраженных словами образов, чувств, ощущений... В работе о бессознательном П.Б.Шошина находим три феномена, совместно индуцирующих наличие сознания:

- чувство собственного существования;
- чувство присутствия в данном месте и в настоящий момент;
- идентификация себя в мире (различие себя и мира).

Согласно автору, выпадение любого из этих компонентов означает деструкцию целого, т.е. «выпадение сознания» [38].

Более операциональный подход к определению сознания, представленный в форме эмпирических характеристик сознания, находим в работе Н.И.Чуприковой. Десять выделенных автором характеристик задают достаточно представительную картину возможностей человека:

- выделяет себя из окружающего мира;
- отделяет себя, свое «Я» от внешних вещей;
- отделяет свойства вещей от самих вещей;
- способен увидеть себя находящимся в определенном месте пространства и времени;
- способен увидеть себя находящимся в определенной системе отношений с людьми;
- способен устанавливать адекватные причинно-следственные отношения в явлениях внешнего мира;
- способен устанавливать адекватные причинно-следственные отношения между своими действиями и явлениями внешнего мира;
- отдает отчет в своих ощущениях, мыслях, переживаниях, желаниях;
- знает особенности своей личности и индивидуальности;
- способен планировать свои дей-

ствия, предвидеть их результаты и оценивать последствия [35].

Можно спорить о независимости (избыточности), полноте (достаточности), уровневой однородности и др. свойствах приведенных характеристик, что выгодно отличает данный набор от триады П.Б.Шошина.

Дифференциация теоретического и эмпирического подходов к определению и решению проблемы сознания становится принципом в работе В.М.Аллахвердова, который считает, что все существующие определения в психологии по сути эмпирические. «Сознание как эмпирический термин отражает эмпирическое явление – осознанность, эмпирический факт представленности субъекту картины мира и самого себя... как выраженная в словах способность испытуемого отдавать себе отчет в том, что происходит» [4, с. 116]; то, что можно назвать «осознанностью», «самоочевидностью», «непосредственной данностью» сознания [4, с. 253]. Сознание также рассматривается как «некий теоретический (гипотетический) механизм, порождающий или трансформирующий осознаваемую информацию, например, преобразующий результаты каких-либо информационных или физиологических процессов в осознаваемые явления» (т. е. «работы механизма сознания») [4, с. 254].

Такое разделение соответствует логике «психологии» В.М.Аллахвердова, в соответствии с которой, как уже говорилось, содержание сознания (включающее и мистические переживания) изучается методами гуманитарных наук, а процессы, механизмы сознания – методами естественных наук. Отсюда несколько искусственная и двойственная дефиниция сознания. Не ясно также, к какой парадигме - гуманитарной или естественнонаучной следует отнести деятельностный механизм осознания в теории А.Н.Леонтьева?

Обсуждая различные дефиниции сознания, необходимо также рассмотреть те или иные синонимы или производные этого понятия, часто замещающие исходный термин или используемые для отсылки

при его определениях, что не обязательно приводит к тавтологическим циклам. К таким синонимам или производным понятиям сознания можно отнести: «сознательность», «осознанность» и др. Согласно Е.В.Шороховой, сознательность характеризует степень того, насколько человек, производя тот или иной поступок, действовал в соответствии со своими намерениями, насколько эти действия адекватно отражали объективную закономерность процессов, с которыми человек имел дело [37]. Данное определение во многом совпадает с ранее приведенным эмпирическим определением сознания.

Более неоднородным является определение сознательности у В.В.Столина: «самая общая характеристика сознаваемости (сознательности) психических процессов состоит в констатации двух феноменов:

- человек может осознать то, что он воспринимает, то, что он вспоминает, о чем мыслит, к чему внимателен, какую эмоцию испытывает;

- человек может осознать, что именно он воспринимает, вспоминает, мыслит, внимателен, чувствует» [34, с. 16].

Таким образом, сознательность в этом случае может характеризовать либо направленность сознания на объект, либо на субъект осознания. Данная трактовка соответствует основному положению деятельностного подхода к сознанию А.Н.Леонтьева, дифференцирующего содержание, актуально сознаваемое, и содержание, лишь оказывающееся в сознании. Согласно А.Н.Леонтьеву, актуально создается только то содержание, которое является предметом целенаправленной активности субъекта, т. е. занимает структурное место непосредственной цели внутреннего или внешнего действия в системе той или иной деятельности [19].

Другое измерение в дифференциацию понятий «сознание» и «осознание» вносит В.П.Седов, который, ссылаясь на примеры новаторской деятельности педагога-словесника Е.Н.Ильина, актуализирует понятия «чувственной» или «невербальной» осознанности для тех случа-

ев человеческой активности (учебный процесс), когда осуществляется направленный поиск того, что еще не осознано, еще не названо, не несет отчетливого образа, но уверенно характеризуется как некий «предобраз», «предзнак». Согласно В.П.Седову, этому поиску сопутствует некое чувство – знак и представление «так» или «не так» [30].

Вновь возвращаясь к работе А.Г.Спиркина, находим в качестве еще одной (помимо знания) неотъемлемой и существенной характеристики сознания - свободу воли [33]. Автор полагает, что «сознание и свобода воли - тесно связанные между собой явления: чем выше уровень сознания, тем свободней воля» [33,с. 287], причем «свобода – это не только осознанная необходимость, но и созданное самим человеком бытие (общественные отношения, мир материальной и духовной культуры)» [33,с. 288].

Завершая данный обзор, можно констатировать, как это сделал более десяти лет назад В.П.Зинченко, что мы не имеем сколько-нибудь строгого определения понятия «сознание». Сознание не только неопределимая, но и свободная система. Проблема структурирования и ограничения свободной системы решается самой жизнью. Она опровергает миф об абсолютной свободе сознания [12].

Тем не менее, сознание периодически «рвется» и иногда вырывается из клетки бытия, во всяком случае, постоянно стремится к абсолютной свободе. В этом процессе произвольность действительно выступает сущностной характеристикой сознания, а реальная достижимость свободы обусловлена системой адекватных связей, коммуникаций или контактов человека с внешним миром и самим собой средствами внимания, памяти, перцепции, аффекта, мышления и воли - только в интегрированной совокупности образующих единство сознания.

Функции и свойства сознания

Функции и свойства сознания являются следствием тех или иных дефиниций

сознания. С другой стороны, имманентность определенных свойств и функций сознания расширяет сущностные характеристики сознания. Согласно С.Л.Рубинштейну, это способность человека выходить за пределы своего собственного одиночного существования, отдавать отчет о своем отношении к миру и другим людям, подчинять свою жизнь обязанностям, нести ответственность за содеянное, ставить перед собой задачи, не ограничиваться приспособлением к наличным условиям жизни, изменять мир или, обобщенно, способность к рефлексии на окружающий мир и на собственную жизнь [28].

Аналогичные характеристики находим у А.Г.Спиркина: способность ставить осуществимые ближайшие и отдаленные цели; умение контролировать свои чувства, мысли, поступки; отдавать отчет в своих действиях; предвидеть последствия своих поступков; осуществлять самовоспитание воли, характера, личности в целом [33]. А.Г.Спиркин усматривает жизненный смысл сознания в том, «чтобы верно ориентироваться в мире, утверждать себя в нем, познавать и преобразовывать его на основе общественной практики» [33,с. 81]. Относительно последней функции – как важнейшей среди других, А.Г.Спиркин утверждает, что «именно в преобразующей деятельности заключен основной жизненный смысл сознания» [33,с. 90]. В категориях системного подхода можно заключить, что в теоретической схеме А.Г.Спиркина преобразующая деятельность человека является системообразующей характеристикой сознания, инициированной методологическими позициями диалектического и исторического материализма. В этом плане и антиципация как предвидение конечного результата поступков [33,с. 82], предвидение, предвосхищение будущего; и целеполагание как «идеальная модель желаемого будущего» [33,с. 122] и «условие любого сознательного поступка» [33,с. 119]; и опережающее отражение в форме «преднастройки» к предстоящим действиям [33,с.123] и т.д., и т.п. – суть следствия пре-

образующей функции сознания.

В одной из своих работ Н.И.Чуприкова, констатируя неудовлетворительность тех или иных конкретизаций сущности сознания, утверждает, что обычно отмечаемые признаки сознания: выделение себя из окружающей действительности, т.е. отнесение природных и социальных явлений к «Я» и «не - Я»; «данность объекта субъекту», т.е. совокупность чувственных образов; способность к предвидению, планированию; способность к абстрактному мышлению (вербальное мышление); знания, которые можно передать другим людям – не образуют внутренне связную систему [35].

Проблему исчерпывающего описания сущности сознания ограниченным набором функций усложняет разнообразие функциональных структур различных авторов, обосновывающих необходимость тех или иных функциональных элементов, определяющих работу сознания. Так, в работе Л.И.Божович находим, что «интегрирующая и регулирующая функция сознания осуществляется на основе не только интеллектуальных, но и аффективных обобщений» [6, с. 118].

Достаточно спорным является отнесение к функциям сознания, а не к его структурным элементам переживания, познания, отношения, как это можно предположить из заключения К.К.Платонова, что «сознание имеет три основных функции: регуляторную, познавательную и оценочную и, соответственно, три взаимодействующих атрибута: переживание, познание (имеющее результатом знание) и отношение» [25, с. 182]. В последующей работе автор включил эти атрибуты сознания в разветвленную структурную схему сознания в качестве одной из подструктур [26].

Весьма специфический функционал, описанный Ю.М.Орловым, можно отнести к классу «иррадирующих» функций сознания, основанных на механизмах сознания бессознательного, способствующих индивидуализации и самосовершенствованию человека. «Расширение сознания - это включение в область осознанного все

большого количества жизненных функций человека, его привычек и психических состояний... Расширение сознания делает человека более зрелым и способным в большей степени управлять своими психическими силами» [22, с. 79-80]. В приведенных утверждениях Ю.М.Орлова не дифференцируются количественная и качественная стороны расширения сознания.

Последняя, качественная сторона расширения сознания, представлена, на наш взгляд, в работах В.В.Знакова по психологии понимания. Согласно автору, «понимание – есть процесс и результат сопоставления существующего с должным» и «для того чтобы понять, сформировать для себя смысл понимаемого, мы, во-первых, должны включить то, что нужно понять в какой-то уже известный нам из опыта контекст. И, во-вторых, соотносить понимаемое со своими ценностно-нормативными представлениями» [16, с. 166-167]. Таким образом, понимание как функция сознания, реализуется как «вширь», выходя за непосредственные границы ранее известного содержания и включая объект (предмет) понимания в более широкий контекст; так и «вглубь», в случае соотношения понимаемого с субъективным представлением о должном, т.е. сопоставления понимаемого с ценностными представлениями субъекта [15].

Если вернуться к перечню функций сознания по А.Г.Спиркину или Н.И.Чуприковой, то можно заключить, что понимание не определяет собой элементарной или унитарной функции сознания и может быть представлено как композиция (или суперпозиция) двух или более унитарных функций, к примеру, познание и прогнозирование или познание и отношение.

К этим двум сочетаниям можно отнести две выделенные в качестве основных функции сознания по В.С.Ротенбергу:

- «объективирование и закрепление в речи сознания об объективной реальности и выделение из окружающей среды самого себя как субъекта познания этой реальности. С этой функцией сознания связано формирование значений;

- выделение себя из окружающей среды в качестве субъекта – личности. Эта функция сознания обеспечивает возможность самовосприятия и самооценки, и с ней связано формирование личностного смысла» [29].

В связи с последним, т.е. с самовоспринимающей и самооценивающей функцией сознания, следует отметить, что рефлексия, по мнению В.П.Зинченко, в отличие от таких функций сознания, как отражение, порождение (творчество), регуляция и оценка, является основной функцией сознания, характеризующей сущность сознания [12]. В одной из своих публикаций В.П.Зинченко определяет более общую формулу для выражения основной функции – механизма сознания, сохраняющую основные позиции отечественной психологии (сознание отражает мир) и определяющую пути дальнейшего развития отечественной платформы (сознание создает, творит человеческий мир)[14]. Основной тезис В.П.Зинченко о том, что «внешний мир строится внутри... в феноменальном, символическом поле – пространстве – теле... Внутренний мир строится вовне», образует (инверсирует) гипотезу А.Н.Леонтьева об уподоблении как механизме отражения (действия субъекта уподобляются свойствам объекта). В.П.Зинченко совместно с А.В.Запорожцем дополняют этот механизм процессом уподобления объекта субъекту (субъектом же) [14].

Аналогичная идея в иной стилистике и более категорично утверждается в работе В.М.Аллахвердова: «сознание конструирует смыслы, а не находит их в окружающем мире. Именно в этом конструировании сознание проявляет свою свободу, потому что в реальном мире нет никакого смысла... Но свобода сознания в выборе догадок всегда оставляет возможности для ошибок, неточностей, неправильного понимания» [4, с. 501-502]. Последнее объясняет категориальную необходимость, на наш взгляд, помимо свободы как созидательной функции сознания, также контакта для ее (свободы) обеспечения в отражательной функции сознания.

Функции свободы (созидания) и контакта (отражения) обуславливают практически все множество свойств сознания. Так, широта – узость сознания определяется, с одной стороны, глобальностью – локальностью свободных, созидательных устремлений человека, с другой – пространством, временем, многообразием форм, плотностью и т.д. контактов (познавательных интересов и соответствующей активности). Не случайно В.П.Зинченко связывает узость, ограниченность, неразвитость, несовершенство сознания с нарушениями открытости сознания к различным мирам – идей, эмоций, воображения и практической деятельности. Социально и индивидуально определенная мера соотношения узости – широты сознания в различных сферах жизнедеятельности человека задает свойства гармоничности сознания [12].

В этом плане можно интерпретировать понятие гармоничности – дисгармоничности сознания (личности) и в работах Л.И.Божович, связывающей это свойство с соотношением сознательных и бессознательных образований (мотивов, желаний), с отсутствием аффективного конфликта между сознательно и бессознательно действующими мотивами [6].

Близким к свойству широты – узости сознания является предложенное еще В.М.Бехтеревым понятие «объем сознания», т.е. предельное количество представлений, одновременно содержащихся в сознании [5, с. 14].

Сближая понятия сознания и «волевого внимания» («произвольного действия»), Ю.М.Орлов отмечает, что «... чем больше... жизненных функций становится объектом... волевого внимания, тем шире и полнее... сознание, чем больше привычного и механического, тем уже сознание» [22, с. 69]. Здесь мы также встречаем понятие «расширение сознания». Соответствующую задачу В.П.Зинченко считает насущной проблемой сегодняшнего дня. В.П.Зинченко выделяет следующие направления расширения сознания:

- мир науки (знаний);

- мир производительного существования (предметно-производственная деятельность);

- мир человеческих ценностей (эмоции);

- мир культуры (культурные символы и знаки) [11, с. 87].

В.П. Зинченко считает, что если охвачен только один мир, то сознание узкое, одностороннее, ограниченное. Автор выделяет помимо узости сознания также такие возможные его характеристики, как неразвитость, разорванность.

Работа сознания по устранению или «прикрытию» внутреннего конфликта связана с таким свойством, как невозможность сохранения противоречия в содержании сознания (закон Фрейда – Фестингера, по В.М. Аллахвердову). Действительно, при наличии противоречия в содержании сознания, оно перестает быть свободным, теряя тем самым свою определенность как сознание, либо нарушается система внешних контактов ввиду отсутствия единого источника и «приемника» содержания контакта.

Аналогичным образом можно объяснить другое свойство (закон), формулируемое В.М. Аллахвердовым следующим образом: «все неизменное исчезает из сознания, т.е. перестает осознаваться, или же происходит изменение данного сознанию представления об этом неизменном», другими словами «сохранение осознаваемого обеспечивается только путем его изменения» [4, с. 358]. Действительно, неизменное перестает быть содержанием контакта, либо нарушается свобода (возможность) его варьирования. Поэтому, как справедливо напоминает В.М. Аллахвердов, постоянный раздражитель (одежда, часы и т.д.) перестает ощущаться; цветовой фон при длительной фиксации теряет свою цветность, становится серым; при многократном повторении слова или фразы теряется смысл («семантическая сатурация») и др. Однако при малейшем восстановлении контакта или свободном манипулировании, осознанность возвращается.

В связи со сказанным трудно согласиться с понятием «опустошение созна-

ния», используемым В.М. Аллахвердовым для ситуации повторения, описанных выше (потеря осознания в результате многократного повторения, например, ходьбы, периодических движений, восприятий и т.д.). Автор понятия не учитывает функции свободы сознания, позволяющей при любой возможности автоматического (бессознательного) выполнения действий, операций сознанию освободиться для более полной ориентировки в возможных фоновых или других внешних или внутренних изменениях.

Отработанная до автоматизма внешняя или внутренняя деятельность (активность) человека, лишаясь сознательного контроля, перестает быть подвластной контакту и свободе сознания, поэтому «возвращающемуся к этой деятельности сознанию приходится либо терять в общей эффективности деятельности вмешиваясь в отлаженный механизм, либо жертвовать свободой «командования» этой деятельностью, освобождаясь для свободы и контактов в других сферах деятельности [4]. Принципы контакта и свободы в работе сознания позволяют разрешить и этот парадокс изменения исходного состояния сознания в случае внутреннего или осознанного внешнего вмешательства в работу сознания.

Таким образом, принципы свободы и контакта, имманентные сущностной характеристике сознания и связанные с ними функции познания и создания, позволяют вывести из этих двух важнейших функций достаточно полный спектр таких традиционно перечисляемых функций сознания, как: творческое или созидательное целеполагание (отличающееся от целеустремления как целенаправленной активности и целеопределения как выбора одной цели из нескольких), планирование, программирование, антиципация и прогнозирование, принятие решения, контроль и самоконтроль, отношение, оценка, самооценка, самоанализ, самоактуализация, самокатегоризация, идентификация и самоидентификация,

осознание и самосознание, самодеятельность, самокоррекция и самореализация и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авербух Е. С.* О трактовке понятия «сознание» в психиатрии // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966.
2. *Акопов Г. В.* Социальная психология образования. М., 2000.
3. *Акопов Г. В.* Российское сознание: историко-психологические очерки. Издание 2-е, дополненное. Самара, 2002.
4. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. С.-Пб., 2000.
5. *Бехтерев В. М.* Сознание и его границы. Казань, 1888.
6. *Божович Л. И.* Избранные психологические труды. М., 1995.
7. *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Проблема «Мозг – сознание» в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга // Мозг и разум. М., 1994.
8. *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1999.
9. *Горбатенко А. С.* Системная концепция психики и общей психологии. Ростов-на-Дону, 1994.
10. *Зейгарник Б. В.* Патофизиология. М., 1976.
11. *Зинченко В. П.* Образование и духовность: сознание как объект междисциплинарного исследования // Современная высшая школа. Варшава, 1990. № 1/69.
12. *Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
13. *Зинченко В. П.* Живое знание. Самара, 1998.
14. *Зинченко В. П.* Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира как реализация сознания // Мир психологии. 1999. №1.
15. *Знаков В. В.* Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психологический журнал. 1993. №1.
16. *Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. Самара, 1998.
17. *Иваницкий А. М.* Сознание: критерии и возможные механизмы // Мозг и разум. М., 1994.
18. *Климов Е. А.* Общая психология. М., 1999.
19. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
20. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
21. *Немов Р. С.* Психология. Кн. 1, М., 1997.
22. *Орлов Ю. М.* Восхождение к индивидуальности. М., 1991.
23. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., МГУ, 1988.
24. *Петровский А. В.* Психология в России: XX век. М., 2000.
25. *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982.
26. *Платонов К. К.* Структура и развитие личности. М., 1986.
27. *Розин В. М.* Природа сознания и проблема его изучения // Мир психологии. 1999. №1.
28. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
29. *Ротенберг В. С.* Сновидение как особое состояние сознания // Бессознательное. Сб. статей, т. 1. Новочеркасск, 1994.
30. *Седов В. П.* Проблема континуального сознания субъекта // Актуальные психологические проблемы становления личности в современном мире. Магнитогорск, 2001.
31. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. М., 1987.
32. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология человека. М., 1995.
33. *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972.
34. *Столин В. В.* Самосознание личности. М., 1983.
35. *Чуприкова Н. И.* Мозг, психика, сознание // Мир психологии. 1999. №1.
36. *Шогам А. Н.* Проблема сознания и психологическая модель личности // Проблема сознания. Материалы симпозиума. М., 1966.

37. *Шорохова Е. В.* Проблема «Я» и самосознание // Проблема сознания. Материалы симпозиума. М., 1966.
38. *Шошин П. Б.* Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное. Новочеркасск, 1994.
39. *Шпет Г. Г.* Сознание и его собственник // Философские этюды. М., 1994.

CONSCIOUSNESS AND ITS DEFINITIONS IN PSYCHOLOGY

© 2002 G. V. Akopov

Samara State Pedagogical University

The article covers the problems of Consciousness determination, which is done through the categories of reflection, self-consciousness, knowledge, etc. In multiple definitions of Consciousness we can see its multiple functions and complex relations between a subject and the objective social world (knowledge, attitude, aiming, regulation, etc). Developing new definitions of Consciousness corresponds to the logic of interdisciplinary approach, unitary or system approaches. There is description of Contact principle and Liberty principle in consciousness work: making contact with social environment by an individual under his constant need of self decisions.

СТРУКТУРА МЕНТАЛЬНОСТИ

© 2002 Т.В.Иванова

Самарский государственный педагогический университет

В статье рассматривается проблема ментальности с позиции социальной психологии, системного и субъектно-деятельностного подходов, а также закономерностей альфа-метрики для построения универсальных структур. Интеграция теоретических предпосылок позволяет определить ментальность как систему, имеющую структуру завершённого гештальта, которым обозначена социально-психологическая трактовка ментальности, в основе которой лежит идея группового сознания в его этнической и пространственно – временной детерминации. Представлены три модели ментальности, которые могут быть использованы для планирования социально-психологических экспериментов по изучению ментальностей различного уровня субъектности (страны, нации, города, социальной группы и т.п.).

Споры о том, что такое ментальность, в конечном итоге сводятся к вопросу о возможности ее изучения. Современное состояние науки таково, что становится возможным выстраивать целые теории вокруг предмета, определение которого весьма расплывчато. Психология – наука о душе, о психике, о сознании. С этим согласятся многие. Что такое душа, какое отношение она имеет к психике и психическим процессам, как соотносятся психика и сознание – вопросы спорные, но это не мешает развитию науки, избранной предметом своего изучения определенную область бытия. То же происходит и с ментальностью. Есть то общее, что объединяет всех в понимании предмета исследования. Разногласия мнений может быть обусловлена двумя факторами: либо междисциплинарным, при котором каждая дисциплина выделяет свои аспекты; либо «системным», когда изучаются разные элементы ментальности как системы, то есть уровни, слои, формы, функции, свойства, механизмы, природа, структура и т.п.

А. Раппопорт [16], развивая идеи Джерарда (касающиеся общей теории систем) и Б.Ф. Ломова (относительно использования их в психологии) подчеркивает, что любая система содержит три главных аспекта: структуру, функцию и эволюцию (историю). Б.Ф. Ломов [12] предложил шесть основных принципов. 1) Пси-

хологический феномен должен быть рассмотрен в нескольких планах: как качественная единица, как подсистема большей системы и как суперсистема, контролирующая поведение своих подсистем. 2) Рассмотрение феномена с какой-то одной точки зрения выявляет не более чем срез в одной плоскости. 3) Система психологического явления многоуровневая и имеет иерархическую организацию. 4) Необходимо выделение социального окружения, в котором функционирует система. 5) Детерминация психических явлений носит сложный характер, модель «линейного детерминизма» неадекватна в объяснении этих явлений. 6) Формирование явления как целостности и дифференциация его на составляющие происходит в ходе развития.

К этому можно добавить, что четвертый принцип может быть сведен к первому, если социальное окружение рассматривать как суб- или супер- систему, в зависимости от контекста изучаемого явления. Таким образом, основными принципами системности в психологии можно считать пять: 1. Соподчиненность. 2. Многомерность. 3. Многоуровневость. 4. Нелинейный детерминизм. 5. Развитие.

Анализ междисциплинарного подхода к понятию ментальности, предпринятый ранее, позволил определить позицию: ментальность можно рассматривать как социально-психологическое явление.

Г.В.Акоповым [4] дана социально-психологическая интерпретация понятия ментальности как проявления *группового сознания* в этническом и пространственно-временном контексте.

Рассмотрим ментальность как психологическую систему. Согласно первому принципу системности, ментальность описана как качественная единица социально-психологического содержания. Ее соподчиненность может быть представлена перечнем иных «качеств», которым уделяется внимание в других дисциплинах, таких как: философия (изучение общих закономерностей), обществоведение (ментальность разных стран), этнография (ментальность разных народностей и национальностей), политология (политический, экономический менталитет и т.п.), история (ментальность разных исторических эпох), география (ментальность разных территорий), психология (ментальность личности, семьи, половозрастная, профессиональная и т.п.), социология (ментальность разных слоев населения) и т.д. Идея *суб-* и *супер* – системности может быть выражена следующим образом. С одной стороны, философскую систему взглядов на проблему ментальности можно считать «суперсистемой», в которую входят все другие, которые могут быть рассмотрены как подсистемы, (этническая, историческая и т.д.). С другой стороны, каждая из систем может выступать как суперсистема по отношению к «философской», т.к. главным может выступать «свое качество» (например, историчность), а философский аспект присутствовать в виде подсистемы, то есть элемента более высокой по рангу системы.

Учитывая второй принцип системности (многомерность), можно констатировать, что социально-психологический взгляд на проблему ментальности – это всего лишь одна из плоскостей, в которой это явление может быть рассмотрено. Однако, нельзя доводить ситуацию до абсурда и считать, что любое явление может быть рассмотрено в бесконечном перечне плоскостей. Практически все ис-

следователи ментальности соглашались с тем, что в своей основе это явление *психологическое*. Остается добавить, что не просто психологическое, а *социально-психологическое*. Таким образом, нам удалось определить конкретный «срез» (социально-психологический) многомерной реальности, в качестве которой в данном случае выступает ментальность.

Третий принцип системности предопределяет многоуровневость ментальности. С позиции субъектно-деятельностного подхода *ментальность* можно определить как *многоуровневую систему для обозначения своеобразия проявления группового сознания в историческом времени и географическом пространстве относительно определенного уровня субъектности*. Это уточнение, основанное на идеях А.В.Брушлинского [6], позволяет выстроить иерархию понятий, связанных с понятием ментальности. Культура народа (субъект – народ) может быть рассмотрена как ментальность народа; национальный характер (субъект – нация) – это ментальность нации; общественное сознание (субъект – страна) – это ментальность страны; ментальность политической группы или экономической системы (субъект – группа) как правило, называют менталитетом, ментальность большой группы людей – мировоззрением, ментальность малой группы – микроклиматом или психологической атмосферой, ментальность человека правильнее назвать половозрастной (профессиональной, национальной и др.) идентичностью. На всех уровнях обобщения присутствуют все признаки ментальности: особенности проявления *группового сознания* во времени и пространстве.

Четвертый и пятый принципы системности (нелинейный детерминизм и развитие) нашли свое отражение в исследовании ментальности в ее непростых отношениях с культурой и искусством. Результатом стало убеждение, что искусство можно рассматривать в качестве целостной системы, входящей в культуру, которая может быть определена как высшая стадия развития ментальности.

Выбранное «качество» «плоскость» или «срез», а именно социально-психологическая трактовка понятия ментальности предопределяет рассмотрение ее как социально-психологической *системы*, по отношению к которой могут быть снова применены все пять принципов системности. Ограничим свои усилия и рассмотрим один из аспектов ментальности как системы – ее *структуру*, так как именно он является определяющим (относительно двух других – функции и развития – по А.Раппопорту) в своеобразии социально-психологического контекста.

Обратимся к работам, напрямую посвященным структуре ментальности. Таковых не много. О.С.Дейнека [8] приводит схему *менталитета* (не ментальности!) и рассматривает ее с позиции макросоциальной психологии. Основными являются три блока, в которые входят: нормы (экономический и политический прогресс), законы (правовой прогресс) и традиции (культурный прогресс). Напомним, что мы задались целью найти такую структуру (схему) ментальности, по которой можно будет ее изучать, то есть планировать какие-то социально-психологические эксперименты. Из этого следует, что для того, чтобы изучить ментальность какой-то группы людей в предложенной структуре, надо изучать политику, экономику, законы и традиции. В данной трактовке собственно психологические аспекты остаются в тени. Меняются условия жизни – меняются нормы, законы и традиции. Самые интересные вопросы – как, почему это происходит, каковы внутренние механизмы изменения поведения больших групп людей – остаются без ответа.

В.Е.Семенов [18] структурирует ментальность иначе. Он предложил идею полиментальности, то есть наличия одновременно существующих менталитетов в стране (в России): православно-российского, коллективистско-социалистического, индивидуалистско-капиталистического и криминально-мафиозного. По такой схеме вполне возможны сравнительные исследования разных категорий граждан

страны с учетом их религиозных убеждений, экономических условий жизнедеятельности и политических ориентиров. Этому посвящено множество социологических опросов с целью определения общественного мнения.

Попытаемся найти собственно психологическую структуру ментальности, основанную на ее социально-психологическом определении. «Групповое сознание во времени и пространстве» – предопределяет четыре критерия: «групповой», «сознательный» (психический), «временной» (исторический) и «пространственный» (территориальный). «Междисциплинарность» ментальности объединяет следующие дисциплины: социологию, психологию, историю и географию. Если выделить собственно социально-психологический аспект, то он связан с двумя критериями: группой и сознанием. В связи с этим возможно структурирование ментальности по типам групп, в этом случае необходимо изучать разные слои населения (молодежь, пенсионеров, женщин, мужчин, детей, подростков, людей определенных профессий и т.п.). Этим, как правило, занимается социология и таких исследований немало. Остается собственно психологический критерий – сознание. Если ментальность понимать как феномен сознания [3,4], то структура ментальности должна повторять структуру сознания.

В работах Г.В.Акопова [2,3], посвященных проблеме сознания в отечественной психологии, обозначены два принципиально разных подхода: унитарный и междисциплинарный. С точки зрения междисциплинарного подхода структура ментальности определяется структурой дисциплин, ее изучающих.

Наиболее интересным является унитарный подход, то есть задача изучения сознания как такового, как особого психического феномена. Г.В.Акоповым представлен широкий спектр мнений авторитетных авторов, занимающихся столь серьезной проблемой: начиная с принципа единства сознания и деятельности А.Н.Леонтьева и заканчивая одной из

последних теорий сознания В.М.Аллахвердова, который сформулировал некоторые законы работы сознания. Г.В.Акопов предлагает свою объяснительную версию - принцип контакта и принцип свободы (потребность индивида в установлении контакта со средой, самим собой и социальным миром, а также потребность в самостоятельности принятия решений). Некоторые подходы, связанные с физиологическими механизмами работы мозга, с теорией информации или парадигмами сознания, собрали вокруг себя все лучшие умы отечественной психологии, среди которых: Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн, А.Р.Лурия, М.К.Мамардашвили, Г.Г.Шпет, М.М.Бахтин, А.В.Брушлинский, Е.П.Велихов, В.П.Зинченко, В.А.Лекторский, В.И.Молчанов, и др.

Интерес вызывает идея М.М.Бахтина о «множественности равноправных сознаний», если ее можно трактовать как единство группового сознания, складывающееся из равноправных сознаний индивидов, составляющих группу. Проблема группового сознания распадается на две: первая связана с поиском структуры сознания индивида (сознания как такового), вторая – со структурой именно группового сознания, состоящего из индивидуальных сознаний индивидов. Помня о том, что их нельзя просто «сложить», так как целое больше суммы его частей, и что добавление элемента в систему меняет свойства системы, можно предположить, что идея ментальности как группового сознания служит ключиком, открывающим тайну группы: ментальность не является совокупностью отдельных сознаний, она есть «общее в разном», то есть представляет собой то единство, которое складывается при взаимодействии разного. Ментальность большой группы в узком смысле слова – это то, что у большинства членов этой группы одинаково. Эту мысль косвенно подтверждает психология кросскультурных исследований [17]. В ее пределах развиваются два направления: первое ищет общие закономерности психического развития, второе изучает

различия проявления психологических феноменов (процессов, явлений, состояний) у представителей разных культур (в нашей трактовке – разных ментальностей).

Целесообразность поиска общего среди разного подтверждается многими исследованиями. Например, Д.А.Леонтьев, изучая ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании, подчеркивает, что «несмотря на наличие факта несовпадения систем ценностей индивида и социальной группы, к которой он принадлежит, эти две системы ценностей отличаются в целом хорошей согласованностью» [11, с.16].

Чтобы лучше понять суть ментальности, ее можно определить как «степень согласованности» группы, понимая под этим широкий спектр элементов такой общей согласованности: это поведение, ценности, «умонастроения», «единомыслие», и многое другое, что обычно включают в содержание ментальности. То есть в группе обязательно складываются «элементы ментальности» - того общего, что определяется степенью ее согласованности. Чем «согласованнее» группа, тем сильнее выражено своеобразие ее ментальности.

Проблемами собственно «группового сознания» занимается Г.В.Акопов [1]. На примере контактных групп (производственных бригад и учебных коллективов) им было доказано существование феномена «группового сознания» и изучены этапы его становления (появления общих элементов в индивидуальных сознаниях членов коллектива). Под групповым сознанием в данном случае понимается три класса явлений: на уровне группы – общее во взглядах, суждениях, оценках; на уровне личности – осознание своей общности, идентификация с группой; на уровне межличностных взаимодействий и взаимоотношений – групповые нормы, санкции, ценностные ориентации, установки [1, с.42].

Для нас особенно интересна структура группового сознания, предложенная Г.В.Акоповым. В ее состав включено шесть элементов: стиль управления в

группе (1), традиции коллектива (2), групповая перцепция (3), психологический климат (4), система групповых норм, санкций и одобрений (5), общение и выработка общественного мнения (6). По ней вполне возможно всеобъемлющее изучение ментальности как группового сознания не только малых, но и больших групп (более «высокого» уровня субъектности).

Анализ представленной структуры с позиции системного подхода в психологии позволяет предположить, что ее можно представить в схеме «1+5», чтобы подчеркнуть ее содержательную сущность. Все элементы могут быть разделены на два качественно-различимых класса: «психические процессы» группы («групповая перцепция») и «социальные процессы» группы (все остальные пять элементов). Первый класс подчеркивает приоритет собственно *сознания*, второй – собственно *группы*. На месте элемента «перцепция» может быть выстроена подсистема «психические процессы группы», в состав которых могут быть включены все психические процессы, которыми обычно описывается индивидуальное сознание (правомерно наличие «группового мышления», «группового внимания» и т.п.)

Вернемся к проблеме структуры собственно сознания – сознания индивида, или того единого сознания, которое проявляется у каждого здорового человека.

В.П. Зинченко [9] утверждает, что «фрейдовская» иерархия сознания: подсознание, сознание, сверхсознание, – исчерпала свой объяснительный потенциал, и предлагает двухслойную, или двухуровневую, структуру сознания. Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и действия, а также чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл. Таким образом, сознание имеет четыре компонента. Рождающиеся в *действии* (1) *образы* (2), *значения* (3) и *смыслы* (4) имеют сложную схему отношений, но имеют и собственные свойства.

Задумаемся над тем, как взаимодействуют между собой эти индивидуальные

сознания, каждое из которых имеет такую сложную структуру? Представим на миг, что процесс интериоризации, то есть «присвоения» общественного (норм, знаний, представлений, культурных ценностей и т.д.) временно приостановлен, и каждый индивид остался с тем «багажом», который ему достался. У каждого из единичных сознаний есть свой набор действий (биодинамическая ткань), свои образы (чувственная ткань), свой комплект значений и смыслов. Так как индивиды, как носители таких индивидуальных сознаний, живут в одних условиях, на одной территории и в одно историческое время, они вынуждены общаться и обмениваться своим «разным» содержанием единых по структуре компонент: действиями, образами, значениями и смыслами.

Каждый человек уникален и для его неповторимости, того, что отличает его от всех остальных, есть термин – «индивидуальность». Как же называется то, что у всех одинаково, и есть ли таковое? Общие *действия* – это не одновременное движение рук и ног (как частный случай бывает и так, например, физзарядка под команду тренера или оркестровое исполнение под управлением дирижера – даже и в этом варианте каждый делает движения по-своему, кто-то лучше, кто-то хуже...). Общность действий выражается в наличии общих *норм* (социальных, нравственных, правовых и т.п.), то есть правил поведения.

Что подразумевать под общими (одинаковыми) *образами*? Каждый человек, закрыв глаза, «представляет петуха» (упражнение из тренинга) по-разному: ни одно словесное описание увиденного внутри себя не совпадает с другими, хотя все понимают, что представляют (воображают), то есть формируют образ одного и того же предмета. Всех объединяют общие признаки образа, его смыслообразующие элементы, общие закономерности, по которым строится образ. Сложные образы имеют свои закономерности построения. Например, С.Милграмм [14] изучал такое явление, как «образ города» в представлениях его жителей. Менталь-

ные (мысленные) карты города у испытуемых не совпадали ни друг с другом, ни с реальной географической картой города. Создавалось впечатление, что каждый гражданин живет в «своем» городе, хотя ходят все по одним улицам. Но любой город узнаваем по своим характерным признакам, то есть реально существует общий «образ города».

Общие значения (операциональные, предметные, вербальные [9]) формируются и используются людьми в процессе коммуникации. Основой вербальной коммуникации выступают язык и речь. Из совокупности значений слов, произнесенных (или написанных) людьми какой-то группы, формируется информация, то есть тот «общий комплект значений», который складывается в процессе взаимодействия в силу своей целесообразности (востребованности) – это не совокупность слов, сказанных людьми в единицу времени, а те правила, по которым формируется, отбирается и передается информация. Информация, полезная для большинства, закрепляется в виде знаний (житейских или научных). Естественно, и в информации, и в знаниях, всегда есть какой-то смысл (хотя «бессмысленная», «пустая» информация и неосмысленные, «вызубренные» знания существуют), но это уже проблема сложного взаимодействия между значением и смыслом (В.П.Зинченко) или более общая проблема «нелинейного детерминизма» психологических систем (Б.Ф.Ломов).

Наша задача – найти общий *смысл* (одинаковый?) у группы индивидов, носителей единичных смыслов. По-видимому, истинным смыслом жизнедеятельности группы людей можно назвать те ценностные ориентации, которые она вырабатывает в процессе своего развития (религиозные, культурные, политические и иные). Общие смыслы (ценности социума), складывающиеся из индивидуальных смыслов, выражают свое качественное своеобразие в религии, мифах, ритуалах, символах, обычаях, традициях, политических, философских убеждениях и т.д., которые также имеют свои закономерности,

или правила, формирования и функционирования. (Например, смысл жизни нельзя «подарить» человеку – его он должен найти сам. Смысл религии заключен в вере, а не в исполнении предписанных действий).

Можно сделать вывод: «одинаковое» в индивидуальных сознаниях найти трудно, а общее можно – это те правила, по которым осуществляется взаимодействие, достигается взаимопонимание, формируется единство мнений, умонастроений и направленность поведения. Это и есть ментальность – своего рода «социальное сознание», то есть та часть единого сознания, которая отвечает за эффективное взаимодействие индивидуальных сознаний («самосознание» социума). Ментальность нельзя создать искусственно в виде свода законов, предписывающих вести себя определенным образом. Она, как живая (открытая) система, складывается в процессе своего развития. Ее можно определить как систему «горизонтальных» связей между индивидуальными сознаниями людей, живущих в социуме (в отличие от социализации, то есть «вхождения» индивида в социум, понимаемое как установление «вертикальной» связи индивидуального сознания с общественным). Это единство, которое является системообразующим качеством данной группы (социума), по отношению к другим группам выступает как «индивидуальность» данной группы, которая вбирает в себя то, что отличает эту группу от других. Так формируются разные ментальности – разные групповые сознания людей, детерминированные врожденным этносом, историческим временем и территориальным пространством.

Основываясь на двухслойной (четырехкомпонентной) структуре сознания В.П.Зинченко, можно планировать социально-психологические исследования ментальности любого уровня субъектности: в рамках этого подхода необходимо изучать социальные нормы, групповые представления, особенности восприятия различного рода информации, уровень развития

или направления использования знаний, отношение людей к религии, ценностные предпочтения разных слоев населения и многое другое.

Обратимся к другим исследованиям структуры сознания. В.М.Аллахвердов [5] утверждает, что сознание не едино, оно многомерно, во внутреннем мире человека сосуществует много разных сознаний. По его образному представлению, психика – это мясорубка, которая выдает что-то в сознание. Само сознание, осознавая себя, переходит в гуманитарные науки. В данном случае важно, что констатируется наличие самосознания как той части сознания, которое само собой управляет. В нашей трактовке это «социальное сознание», которое отвечает за координацию функционирования индивидуальных сознаний и составляет основное качественное содержание ментальности.

В.П.Райков [15], в рамках своей общей теории сознания, подчеркивает наличие иерархии сознаний и выделяет несколько составляющих. Укажем в скобках компоненты В.П.Зипченко для того, чтобы показать некоторую аналогию во взглядах, что подчеркивает их истинность. Составляющими сознания названы: невербальное сознание (действия, или биодинамическая ткань), эмоциональное сознание (чувственная ткань образа), вербальное сознание (значения), профессиональное сознание (?), центры новых сознаний (смыслы, «шепот раньше губ» О.Мандельштама) [9]. Под профессиональным сознанием можно понимать определенную степень развития индивида, или качество «самосознания», когда человек способен осознать, в каком виде деятельности он будет наиболее успешен. Этот уровень сознания человека определяет его как субъекта деятельности (по А.В.Брушлинскому) и является высшим уровнем его развития [6].

М.Щербаков [21], представляющий свою кластерную теорию интеграции, утверждает, что нашел не абсолютно точную, но такую модель сознания, которая не только описывает суть процесса, но

позволяет делать «предсказания» и создавать психологические методики. Модель двумерна и многослойна. Ось ординат имеет смысл «глубины слоев» сознания. Ось абсцисс – это шкала смыслов. Верхний слой назван мотивационным, или адаптивным, – это та часть сознания, которая отвечает за поведение, мотивацию и социальную адаптацию. Под ним – слой личностной истории. Глубже – слой сознания, связанный с информацией и опытом, полученными в период внутриутробного развития плода и в процессе родов. Глубинные слои – архетипические или трансперсональные – содержат информацию, получаемую при рождении. Самый глубокий слой – уровень универсального единства. Все слои, кроме адаптивного, недоступны для непосредственного осознания и исследования. Модель предполагает наличие большого набора паттернов – элементарных *структур сознания* (не обязательно четко диссоциированных), которые в свою очередь объединены в структуры более сложной конфигурации – кластеры (которых, по мнению М.Щербакова, сотни тысяч или миллионов). Процесс формирования паттернов и кластеров назван интеграцией. Кластеры взаимообусловлены, взаимодействуют и конфликтуют друг с другом, имеют законы формирования, трансформации и разрушения. Описан процесс «туннельного перехода» глубинного кластера на поверхностный слой и т.д.

Не вдаваясь далее в подробности теории, заметим главное: сознание изначально *социально*, то есть («внутри себя самого») устроено по принципу «социальности» – на основе контактов (взаимодействия) «единиц» (кластеров и паттернов) элементарных сознаний. Но общие слои все-таки есть, значит, есть и то единство (общее правило), которое объединяет кластеры. В данном случае под ментальностью можно понимать адаптивный слой, который «подпитывается» кластерами различных уровней. Можно говорить о глубинных слоях ментальности или о том, что составляет основу ментальности – это

то общее, что всех объединяет, всеми управляет, но плохо осознается. Так как мы задались целью найти возможность изучения ментальности на основе социально-психологических экспериментов, ограничимся «верхним», адаптивным слоем ментальности. Это не противоречит нашим убеждениям относительно того, что ментальность может быть определена по отношению к любому уровню субъектности. Достаточно предположить, что глубинные слои – это дополнительные, условные «глубинные уровни субъектности» (вернее «досубъектности») и для них также правомерно определение ментальности в качественном своеобразии определенного уровня обобщения (например, «архитепическая», «трансперсональная», «пренатальная» ментальность и т.п.). Имеет ли это практический смысл – вопрос противоречивый. Например, исследование «ментальности нерожденных детей» (их биодинамической и чувственной ткани до аборта, до момента рождения и т.п.), принадлежащих к разным «верхним слоям» - собственно ментальностям.

Следуя традициям отечественной общей психологии, которая изучает сознание как совокупность психических процессов, рассмотрим одну из схем их упо-

рядочивания, предложенную В.А.Ганзеным [7]. Реальному изучению, как правило, подвергаются 13 психических процессов: внимание, память (основные процессы), ощущение и восприятие (перцепция), эмоции и чувства (аффект), мышление, воображение, (или представления), речь, воля, мотивация, действия. Если исключить *ощущения*, что сделала гештальтпсихология, и *представления*, которые могут рассматриваться как воображение или память, то останется 11 реально существующих психических процессов. Для их упорядочивания может быть предложена иная структура и объяснительная логика (рис.1).

Модель ментальности как совокупность психических процессов в данном случае построена в виде «пентаграммы», которую использует В.И.Тюрин-Авинский [19,20] для описания каркасных альфа-пентаструктур природы; их можно рассматривать как один из законов внутренней структуры нашего мира. Суть в том, что физическое пространство представляет собой систему вложенных друг в друга динамических пентоидных решеток. На основе альфа-метрики найдены закономерности на всех уровнях строения материи: в микромире, в мире химсоединений, в биосфе-

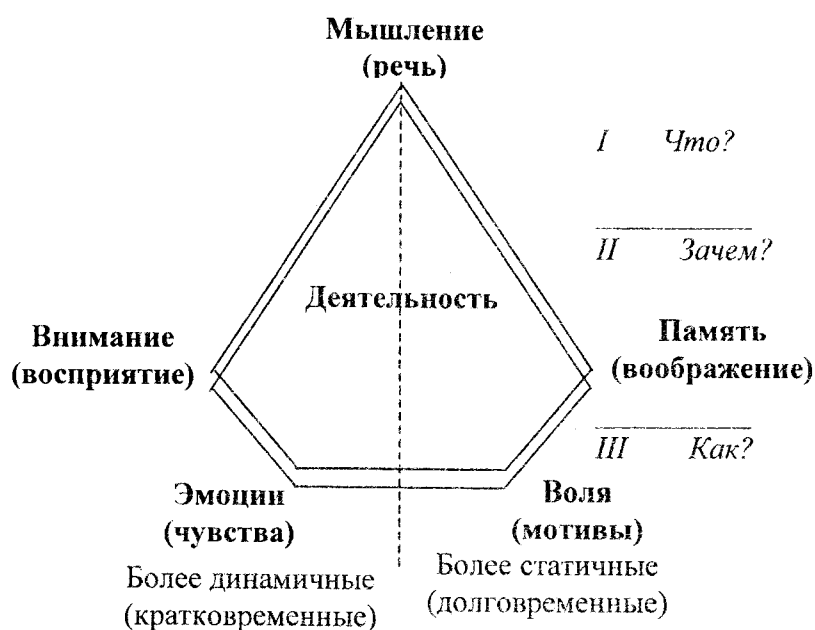

Рис. 1. Ментальность как совокупность групповых психических процессов (на основе структуры сознания В.А.Ганзена)

ре и особенно в человеке, что иллюстрируется большим числом фактов. Анализ основных реально существующих в психологии структур показывает, что законы альфа-метрики распространяются и на область психического [19]. Идея целостности, наличие психологических гештальт-структур принадлежит гештальтпсихологии. в которой существует понятие *завершенного гештальта* как наиболее совершенной, «правильно организованной» структуры, у которой имеются в наличии все необходимые элементы. В.И.Тюрин-Авинский предлагает принципиальное правило построения такого гештальта. Гипотеза звучит так: *завершенный гештальт всегда альфа-метричен*, то есть подчиняется общим правилам своего построения (одно из правил звучит так: среди всех элементов структуры необходимо найти доминанту, то есть главное системообразующее качество, ось симметрии и, как минимум, три уровня) Простые альфа-метричные структуры, по мнению В.А.Тюрин-Авинского, должны содержать либо 5, либо 11 элементов (для более сложных существуют иные закономерности). Для нас важно следствие: как построить *завершенный гештальт* сознания человека в структуре известных психических процессов.

Представим его в виде решетки из двух вложенных друг в друга пентограмм.

I. Первый, верхний, системообразующий уровень связан с вопросом, *Что отличает Человека разумного?* Это способность мыслить и говорить. Можно сказать, что человек – это *мыслящее и говорящее* существо.

II. Второй уровень определяет, *Зачем человек живет?* Чтобы обратить *внимание* на некоторые сигналы окружающего мира, *воспринять* их, *запомнить*, дополнить целостное представление о мире *воображением*, создать что-то новое в процессе *деятельности* и таким образом передать другим людям или поколениям знания об осознанной действительности.

III. Третий уровень обосновывает ответ на вопрос, *Как происходит процесс осмысления окружающего мира?* Прежде

всего, *эмоционально*, на уровне чувств, которые управляются *волей* (разрешено-нельзя) и *мотивацией* (хочу-надо). Волевые процессы и эмоции часто являются сдерживающими факторами познания действительности. Их роль по мере развития человечества будет, возможно, уменьшаться за счет большего доверия таким психическим процессам, как память, мышление, речь и др. Высоко интеллектуально развитые индивиды, как правило, менее эмоциональны, так как владеют культурой выражения эмоций или способностью гасить их за счет увеличения доли рационального мышления («дискретный» тип людей, которые не нуждаются в излишних эмоциях). Возможно, направление развития человечества – это путь «от эмоций к разуму».

Альфа-метрика помогает понять суть гештальта. Чтобы его завершить, необходимо найти все недостающие элементы или избавиться от избыточных. Если это невозможно, то исследователь, по крайней мере, может осознать незавершенность, «промежуточность» своих выводов и определить направление дальнейшего поиска.

Принципы системности позволяют использовать схемы индивидуального сознания для построения модели группового сознания, или ментальности. Сознание группы (групповое сознание) может быть рассмотрено как завершенный гештальт, имеющий ту же структуру, что и индивидуальное сознание, с той лишь разницей, что необходимо определить понятие группового психического процесса.

Групповой психический процесс – это особенности протекания данного психического процесса, проявленные у большинства индивидов, составляющих группу (общие закономерности протекания психического процесса в пределах группы). В данном случае детерминантами выступают компоненты ментальности: этнос, историческое время и территориальное пространство. Так, например, память группы (групповая память) – определяется тем, *что* помнят большинство

членов группы (исследование долговременной памяти) или *как* запоминают. Групповое внимание (групповая внимательность как психологическая характеристика группы) – определяется тем, *на что* обращает внимание большинство исследуемого социума или *как* протекает этот процесс у большинства индивидов группы. Особенности обусловлены культурно-историческими условиями совместного проживания. Подобные эксперименты проводили А.Р.Лурия [13] и его последователь М.Коул [10] в рамках культурно-исторической психологии, отдавая предпочтение таким психическим процессам, как восприятие, память и мышление.

Еще один вариант гештальта основан на структуре сознания В.П.Зинченко (рис.2).

Число уровней увеличено до трех, число компонент - до пяти, названия системообразующих элементов трактуются в терминах группового сознания, понимаемого как ментальность (содержательно описан выше).

Г.В.Акопов [1], например, подчеркивает, что сознание вообще и групповое, в

особенности, несводимо к перечню психических процессов. Индивидуальное сознание так же характеризуется состояниями и свойствами личности, а групповое тесно связано с социально-психологическими функциями, состояниями и свойствами коллектива. Именно на этом основании его модель группового сознания (из шести элементов) было предложено не свернуть в пять (как в случае с принципами системности), а развернуть в две соподчиненные системы, одна из которых содержит **5** «социальных» процессов: стиль управления (1), традиции (2), психологический климат (3), групповые нормы (4), общественное мнение (5), а вторая – **11** «психических» (групповое внимание, групповая память, групповая перцепция, групповое мышление и т.д.). Этим иллюстрируется «демократичность» правил построения завершеного гештальта, они определяют лишь общую направленность мышления исследователя и не принуждают к единственно возможному выводу. Третья модель представлена на рис.3.

Эксперименты по изучению ментальности как динамичной структуры группо-

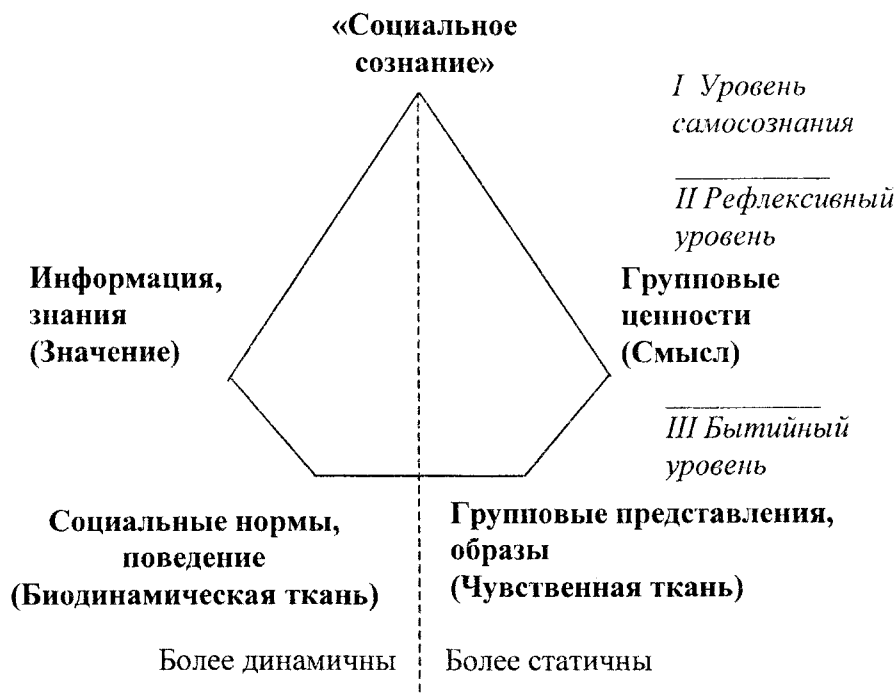

Рис.2. Ментальность как групповое сознание (на основе структуры сознания В.П.Зинченко)

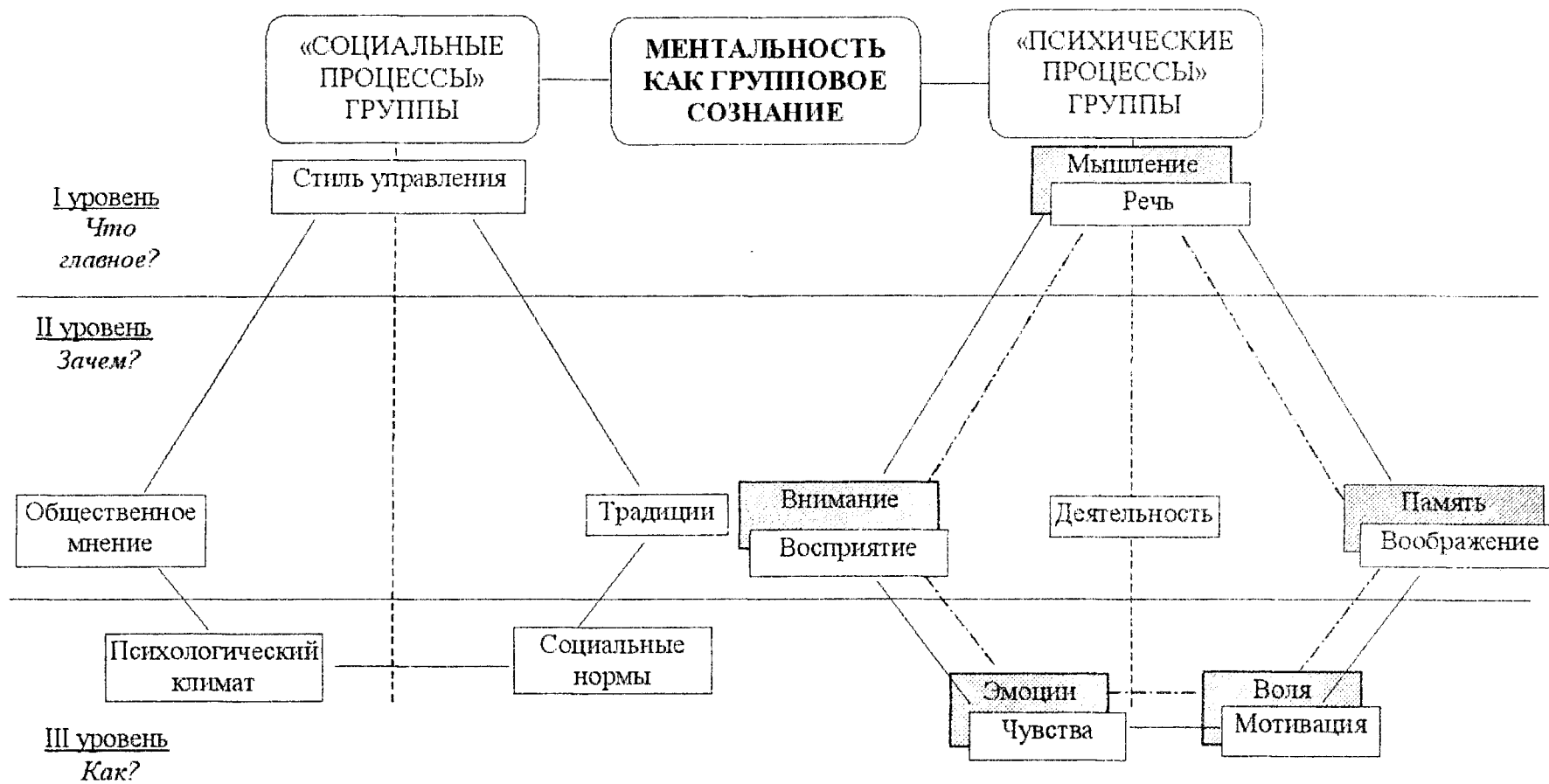

Рис.3. Ментальность как групповое сознание
(на основе структуры группового сознания Г.В.Акопова)

вых психических процессов, социальных норм, групповых представлений, групповых ценностей, совместного использования информации, уровня развития самосознания группы, стиля управления, традиций, психологического климата, общественного мнения и т.п. неизбежно являются «социально-психологическими», так как для определения «общего» в «разном» необходимо исследование больших выборок испытуемых, принадлежащих к одной ментальности. Планирование конкретных социально-психологических экспериментов зависит от «уровня субъектности», то есть того уровня обобщения, для которого используется понятие «ментальность» (ментальность страны, нации, города, деревни и т.д.). В предложенных схемах возможно сравнение разных ментальностей одного уровня субъектности (горизонтальные срезы), например, сравнение городов между собой и выявление их социально-психологических особенностей, а также сравнительные исследования ментальностей разного уровня субъектности (сравнение города с деревней, менталитета политической группы с мировоззрением социальных слоев населения и т.д.). Социально-психологические эксперименты по изучению психологических особенностей проживания людей в больших городах проводятся в городе Самаре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопов Г.В.* Понятие группового сознания // Акопов Г.В. Социальная психология образования. М.,Флинт, 2000. С.37-54.
2. *Акопов Г.В.* Проблема сознания в отечественной психологии: унитарный и междисциплинарный подходы // Акопов Г.В. Российское сознание. Историко-психологические очерки. Самара, 2002. С.64-76.
3. *Акопов Г.В.* Проблема сознания в психологии: отечественная платформа. Самара, 2002.
4. *Акопов Г.В., Иванова Т.В.* Ментальность: провинциальная ментальность современной России (опыт междисциплинарных исследований) // Мир психологии, 2002, № 1. С. 224-237.
5. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. С.-П., 2001.
6. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта: индивида и группы // Психологический журнал, 2002, №1. С. 71-80.
7. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л., 1984.
8. *Дейнека О.С.* Макросоциальная психология: от прошлого к будущему // Психологическая газета, 2001, №3. С.10-12.
9. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, №2, 1991. С.15-36.
10. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., «Когито-Центр»,1997.
11. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. № 1, 1998. С.13-25.
12. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., наука, 1982.
13. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., Наука, 1974.
14. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. С.-П., 2000.
15. *Райков В.Л.* Общая теория сознания (иерархия сознаний и задачи человеческого существования). М., Синергия, 2000.
16. *Раппопорт А.* Системный подход в психологии // Психологический журнал. Том 15, № 3, 1994. С.3-16
17. *Романова В.* Кросскультурные исследования младенчества в психологии // Вопросы психологии, 1977, №5. С. 118-129.
18. *Семенов В.Е.* Полиментальность как новый концепт в социально-психологических исследованиях // Современная психология: состояние и перспективы. Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН. М., 2002. Том.2. С.226-229
19. *Тюрин-Авинский В.И., Иванова Т.В.* Вос-

- приятие структуры или структура восприятия // Сознание и физическая реальность. М., том. 4, № 2, 1999. С. 22-26.
20. *Тюрин-Авинский В.И.* Альфа-метрика в поэзии А.С.Пушкина // Сознание и физическая реальность. М., 2002, № 3.
21. *Щербаков М.* Кластерная теория интеграции // Здесь и сейчас. №1, 1998. С.8-23.

STRUCTURE OF MENTALITY

© 2002 T. V. Ivanova

Samara State Pedagogical University

The article is focused on the problem of Mentality from the point of view of Social Psychology, the System approach and the Subject activity approach, as well as lows of "alpha- measuring" used for universal structures design. Integration of theories let us identify Mentality as a system that has a structure of a completed gestalt. At the base of social-psychological approach to Mentality lays an idea of Group Consciousness determined by ethnicity, time and space. In the article three models of Mentality are studied. The first one reflects a structure of group psychological process; the second has being/reflective structure; and the last one combines two mutually dependant systems (psychological group processes and social group processes). All the models can be used for developing social-psychological experiments on studying mentality at different levels (countries, nations, cities, social groups, etc.)

КОНСТРУКТИВНОСТЬ СОЗНАНИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА СМЫСЛА (МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ)

© 2002 Т.К. Рулина

Самарский государственный педагогический университет

В статье представлены междисциплинарные психологические подходы к объяснению наиболее спорного понятия конструктивности сознания, а также современные научные модели понимания так называемой бессознательной креативности сознания и его смысловой герменевтичности в истории.

Современные понятия научной психологической реальности в неопозитивистской парадигме - продукты концептуальной рационалистической редукции. Она до сих пор пренебрегает любым психологическим явлением, если оно не поддается рациональному структурированию в той или иной квантитативной форме. Всё, не вмещающееся в «прокрустово ложе» «рацио», отправляется в пропасть фрейдовского «подполья». Непроизвольные силы психики традиционно определяются подсознательным полем мышления, хотя большинство психологических авторов не рискуют оспаривать, что за каждым сознательным действием скрывается нечто неосознанное, что сознание не может быть рассматриваемо синонимом разума. Сознательный анализ реальности «обрабатывает» толщи бессознательного психического материала памяти и перцептики, но инертен ли он в процессах «обработки»? Добротна обустроенная мифологема спигентизма о сознании «сдает» свои позиции под натиском нерационализируемых проявлений психики, дисперсия которых опережает следующий за ней учитывающий и структурирующий разум. Отставание рационализирующей «бухгалтерии» мышления от него самого обнажает смысловой зазор между его сознательной и бессознательной конструктивностью. И Фрейдовская «многоуровневая структура психики», и французская «история ментальностей» были озабочены смысловым заполнением зияющего зазора между объяснимым и необъяснимым в сознании. Однако в новом

веке оба концепта о бессознательной креативности сознания кажутся ранней реакцией на кризис понимания функционального затора.

В XX веке над этим вопросом настойчивее всех трудилась *психологическая антропология*. Однако дальше представления, что культурная система значений получает свой «дубликат» в ментальной системе значений, она не пошла. Рассматривая культуру в качестве когнитивной системы дискриптивных и нормативных значений, психологическая антропология ввела в оборот объяснения конструктивности сознания понятие имплицитной личности, которая шире личности эксплицитной, так как в последней отсутствуют конативные значения значений, возникающие произвольно в умах социальных индивидов.

Дубликация культурных значений ментальными значениями, с сопутствующими им эмоциями и ассоциациями, превращает конвенциональные значения культурных символов в индивидуальные системы допустимых в культуре коннотаций (Р.Шведер)¹. Когнитивные формулы культуры, переходя из системы в психический процесс, становятся психологическими феноменами. Допустимые «культурными рамками» вариации ментальных (внутренних) значений структурируют перцептуальную, мотивационную, эмоциональную сферы человека в бессознательных процессах интернализации и инкорпорации.

Антропологический психолог Р. Ле Вин² уточняет, что мышление осуществ-

ляет интегрирование рациональных и нерациональных элементов самих культурных значений. Модели мышления как детерминативы культуры представляют собой сложные комплексы сознательных и бессознательных компонентов, которые в качестве представленных диспозиций личности неодинаковы для различных народов и препятствуют включению индивидов в новую культуру. Именно нерационализируемые (мотивационные, аффективные, конативные) компоненты мыслительных моделей влияют на поведенческие акты. Каждый символ вызывает множество ассоциаций внутри значимых систем психики. Конструктивная способность сознания как результат специфической организации мозга, биологический и психологический потенциал которого стимулируется значимыми системами, носит недискретный характер. Такой подход обнаруживает ложность традиционного тезиса о конфликте разума и эмоций, имеющего древнюю предисторию в аристотелизме. Такой подход утверждает принцип синергии конструктивных и эвокативных функций сознания. Согласно Д'Андрад,³ эмоция – составная часть когнитивной. Именно поэтому значимая система ментальной структуры не в полном объеме доступна операциональной функции суждения. Культура представляет сознанию человека то, что иногда принимают за врожденные представления. Ребенок становится человеческим существом через интернализацию значимых систем языка и культуры, овладевая имплицитной грамматикой и имплицитной личностью. Антропологическая психология предполагает, что интернализация культурного опыта протекает как становление когнитивно-аффективно-ценностной системы психики, что проявляется и как поведение, и как мотивации, и как представление. Комплекс культурных конструктов индивида возникает в процессе комбинации, манипуляции, трансформации имеющихся конструктов. Конструкты, входящие в индивидуальный комплекс, являются синтезом когнитивных, аффек-

тивных и оценочных отражений процессов реальности. И потому «чистой» когнитивности, способной к операционализации по конвенциональным законам логики, за исключением формализованных спекуляций, не существует. «Когнитивный процесс связан с определенной мотивацией, а значит, и с субъективной реальностью таких как дискомфорт, беспокойство, стыд и гнев...»⁴.

Мыследействие накладывается на полученный бессознательно опыт переживания, включающего в себя когнитивные, аффективные и оценочные компоненты, которые обуславливают реакции сознания, и потому мышление включается в события, уже будучи определенным ментальным комплексом конструктов. Совокупность поведенческих моделей восприятия и чувствования, выработанных индивидом в процессе культурации, становится той бессознательной базой опосредствования личности, которая локализована на всех уровнях сознания и не управляется произвольно.

Среди антропopsихологических теорий обращает на себя внимание, модель личностных конструктов Т. Шварца, так как она носит инструментальный характер и имеет способность к верификации. Т. Шварц⁵ выделяет четыре типа ментальных конструктов: конструкты саморефлексии; поведенческие конструкты; усвояемые в процессе социализации; конструкты структурирования собственного опыта (когнитивные и аффекты); конструкты верований и знания (нормы и запреты).

Согласно теории Т. Шварца, структурирование событий и конструктивно-ориентированное поведение протекает в режиме коммуникативной интеракции с другими личностями в процессах событий.

Содержательно – генетическая теория мышления, в отличие от антропологической психологии включает в свой состав наряду со схемами мышления процессы их интерпретации и понимания. Последние привносятся в мыследействие понимающим человеком. Традиционные формы интерпретации и понимания зна-

ковых схем, привычные для людей одной эпохи, становятся герметичными для людей другой. Г. Щедровицкий⁶ объясняет это тем, что способы употребления схем мышления отсутствуют в самих схемах и несутся другими структурами сознания. Схемы мышления сохраняются в артефактах и языке, а способы употребления схем исчезают вместе с носителями сознания. Таким образом, каждая прошедшая эпоха герметизирует употребление своих знаковых систем, образуя дефицитарность понимания в сфере ранее понятного. Загадочность миропонимания предшествующих поколений и есть выражение герменевтической затрудненности мышления, имеющего в своем распоряжении мыслительные конструкты, утаивающие собственный смысл. Мыследеятельная разоруженность потомков перед лицом недоступной для употребления сокровищницы стимулирует к вопрошанию «онемевших» смыслов. Однако полученные ответы пополняют лишь «архив» знания, так как правила употребления схем отмирают вместе с эпохой за ненадобностью. И реконструкция правил пользования мыслительными схемами не обязывает их к восстановлению в функции. Мыслительные схемы вне контекста мыследеятельности (а он всегда исторически уникален) мертвы. Опираясь на логику Витгенштейна: «реальный мир имеет устройство нашего языка», содержательно-генетическая теория мышления определяет бессознательную (непроизвольную) конструктивность сознания интендированием или реализацией интенционального отношения (Г. Щедровицкий), когда она производит бессознательное интерпретирование по «правилам» субъективности. Знаково-конструктивный характер сознания двойся в формах произвольного и непроизвольного мыследействия. Исторические инверсии мышления проникают вглубь эмпиризма и спекуляции логицизирующего рассудка, обнаруживая «слоевую» структуру сознания. Память, абстрагирование, ассоциирование, связи – все единичные формы восприятия и реагирования пере-

слаиваются волевым и автоматическим конструированиями мыследействия. Пластичность сознания индивидуальна, но всегда достаточна для конструктивной адаптации, если этому не противостоят изъяны личности или воспитания. Вырванное из исторического контекста, мышление действительно может казаться мегамашиной, совершенствующей свои программы с ориентацией на безошибочность рационализирования. Возвращенное в материнское «клоно» истории, мышление в каждую из исторических эпох логицизирует в режиме своей эпохальной логики и конструирует восприятие-реагирование на «языке» мыслительных схем своего времени. Разъять мышление и сознание в истории не удастся ни методом исторической реконструкции, ни психосемантическими срезами, ни структуральной фрагментацией элементов. «Отражательная» способность мозга «запускается» по логике формальных конвенций, но и автоматическое «отражение» структурировано теми же мыслительными схемами номинирования и классификации, что и произвольное.

Психолого-исторический подход к анализу сознания документируется в так называемой гомеровской фазе. Она отождествляет мышление с чувственным ощущением. В эпосе Гомера встречаются выражения «мыслить в диафрагме» и «мыслить глазами». Атрибутивный ум телесного индивида не отделён от тела как надсоматическое качество. Переход от стадии, где ничто не имело смысла, к периоду, где всё обладало им (язычество), был радикальным и не имел соответствия в области знания, развивающегося медленно и постепенно. Чтобы быть познаваемой, реальность должна была стать означенной. Это противоречие и легло в основу развития символического мышления – интеллектуального процесса по идентификации, отождествлению категорий означающего и означаемого на основе бессознательных связей. Символизм значений развивался в дискретных комплексах означаемого и означающего как

открытие взаимного соответствия. Потребовались многие тысячелетия на то, чтобы эти соответствия были опознаны. Перегруппировка значений, определение отношений принадлежности, открытие новых ресурсов значений означающего продолжает оставаться произвольной функцией мышления. Оно сознательно и бессознательно конструирует реальность в системах понимания, восприятия, коммуникации, номинируя их.

Номинирующее творчество психики сопровождается избытком значений, обновлением смысловых тождеств, постоянным переозначиванием, рокировкой референций. Историческая психология, идя по следам психических макроструктур (речи, памяти, перцепции), фиксирует изменчивость человека, прежде всего в практиках номинирования, запечатлённых в языковых схематизмах мысли.

В XX веке в истории ментальностей (школа «Анналы») определяется методология зондирования исторического бессознательного. Убедительным аргументом бессознательной конструктивности мышления и, в частности, социального мышления, стало понятие менталитета, характерной особенностью которого является неосознанность и неформулируемость. В качестве исторического бессознательного менталитет «растворён» в практическом разуме и повседневном мышлении каждого человека.

Практика выявления исторического бессознательного разных эпох старалась представить его историческую типологию. Она создала ряд убедительных гипотез (теория глоттогенеза Джайнеса, теория перспективизма Гебзера, теория свивания Горера и др.). М. Фуко⁷ представил историческое бессознательное в отличие от «менталистов» эпистемой как «полем дискурсов», объединенных функцией предписаний и запретов, закодированных в языке. Согласно Фуко, эпистема бессознательного предопределяет языковое поведение, а значит, и мышление отдельных индивидов. Она поддерживается господствующими авторитетами и традициями. Она раз-

рушается девиантным мышлением маргиналов и социальных аутсайдеров. Мыслительные сдвиги (новые картины мира) медлительны. Историческое бессознательное выступает в качестве «тормоза» изменений. М.Фуко отличает, подобно ментальным историкам, открытость эпохальной эпистемы для живущих и её «закрытость» для потомков. Показав дорогу дискурсу – анализу в сфере исторического бессознательного, М. Фуко предопределил современный бум психологической текстологии и нарративизма, выдвинувших ряд теорий о бессознательной конструктивности сознания в сфере знаковой реальности. Отрыв знака от референциального сигнификата (потсмомодернизм) стал основой идеи интертекстуальности мышления, означающей диалогию текстов – сознаний («пустое пространство проекции интертекстуальной игры Ю.Кристева 1985), представляющую собой способ мыслить помимо сознательной волевой деятельности. Текстуализация реальности и истории «размывает» традиционные схемы мышления «обрывками культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагментами социальных идиом и т.д.» (Р. Барт 1973). Проблема бессознательности цитат как мыслительных схем современного индивида сужает произвольное поле мышления: «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» (Р. Барт)

И если коллективные представления людей древних эпох номинированы и оккультны, то бессознательное эпохи массовых коммуникаций анонимно и интегрально. Оно осуществляет деиндивидуализацию личности массового человека посредством тотальной вербализации сознания – вкупе мыслей и эмоций. Текстуальное мышление (вербализованная чувственность) мыслит там, где печатает. «Все персонажи и места действия в этой книге реальны: они сделаны из слов» (Р. Федерман 1976).

Буферность герметики между интеллектуальными схемами и психическими способами их переработки полагает мол-

чание психической истории по всей её вертикали. Язык не вмещает весь бессознательный инструментарий переработки (мотивация, эффекты, коннотации), он несёт окаменевшие в языке формализмы мысли, постепенно и их сдавая в архив культуры за неупотребительностью. Целостные мыслительные комплексы психики несутся при условии активизма «конструктора» реальности. В отчужденной психике мы находим их «останки». Материализованные в языке и артефактах, они редуцируются мыслительными комплексами реконструкторов. Герменевтика психики – всего лишь герменевтика мыслительных схем. Так улавливается интеллект, но упускаются переживания и духовная организация человека. Двойственность человеческой природы в отчужденной психике устраняется: чувственность аннигилируется вместе с телом. Потомку достается материализованный схематизм мыследействия. История человека постоянно «переписывает» свои страницы, давая настоящим на прошлое посредством новых интерпретаций его интеллектуальному архиву. Герменевтический подход к исследованию отчужденной психики находит себе нишу, утверждая принципиальную невозможность совпадения порядка слов (отражающего) и порядка вещей (отражаемого), и это несовпадение обнаруживает смысл (интерпретацию), но она всякий раз новая. Старый смысл не открывается – на его месте обнаруживается троп (способ), каким исторический человек в языке осуществлял превращение объектно-ориентированного знания в личностно-ориентированное. Если бы мыследействие протекало только сознательным, произвольным образом, то всякий раз исследователь находил бы в месте «поворота» гомогенность приемов, как, скажем, в формальной или аналитической логике. Герменевтик правил «поворота» не обнаруживает. Троп обращения знания не рационален, к нему нельзя применить способы измерения – смысл тропа оказывается «в руках» смысловой компетенции реконструктора. Аргумент рекон-

струкции смысла субъективен и отвергается требованиями современной научной верификации, оставляя за бортом психологии легенды народов мира, эзотерическую психологию, памятники литературы и искусства, онтопсихологию и трансперсональную психологию, духовные учения. Психология бессознательного, допущенная через «сны» Фрейда в науку, стоит на её пороге, и за её плечами многомерность сознания в целостности произвольности и непроизвольности, рефлексии и эвокативности, рационализма и иррационализма. Отделив мышление от сознания, сциентизм создал свой собственный предмет исследования и свои лабораторные инструменты. Отчужденная психика более, чем живая, свидетельствует о том, что мыследействие есть органическое качество человеческого мозга, что оно присуще обеим формам его жизнедеятельности (сну и бодрствованию), что в каждой из форм главное – это психотехническая «мистерия» конструирования реальности и что произвольные способы мыследеятельности – одна из множества форм креативности мозга, поддавшаяся исследовательскому наблюдению.

Подсознательная конструктивность в психоанализе.

3. Фрейд⁸ в качестве отличительного признака сознательных психических процессов выделил способность субъекта к знанию о них. Однако работа с симптомами невроза, сновидениями и фантазиями позволила обнаружить явление смыслов, кажущихся субъекту случайными. Они доступны сознанию, но не соответствуют его намерениям. Фрейд назвал бессознательную конструктивность сознания вытеснением, а М. Мамардашвили «монструозной формой» сознания. Знание и «незнание» одновременно конструируют реальность, и фрагмент незнания хотя и субъективен, но субъекту не подконтролен. Защиту бессознательных процессов в душевной жизни психоанализ сделал научно - легитимной через понятие предсознательного, оперирующего словесными представлениями. Овладение бессознательной сома-

тикой и её аффектами означает в психоанализе ослабление их давления на личность (хотя знаковое удвоение системы отражения известно не только психоанализу, но и многим психотехникам древности: ритуал, транс, мания и др.).

Переходы бессознательного конструирования реальности в сознательное и наоборот то удаляют субъекта от реальности, то погружают в неё. Дрейф сознания внутри смыслов конструирования обуславливается многозначностью семиотической явленности реальности считывающему субъекту. Топика модели бессознательного отражения в психоанализе циклична и проявляется в стереотипных реакциях на новые ситуации, в циклическом воспроизводстве личных паттернов поведения.

Фрейдистская таксономия сознания, построенная на различении репрезентаций психики в контексте её связей с языком, под контролем субъекта и вне его, выявляет противостояние Я и ОНО. Логика психоанализа основана на уверенности, что мыслящий субъект может созерцать самого себя, то есть осуществлять непроизвольный пассивный синтез. «Тысячи пассивных синтезов, органически составляющие нас», по мнению Ж. Делеза⁹.

Пассаж Ж.Делеза о бессознательной континуальности субъекта достоин длинной цитации: «Итак, тысячи привычек, из которых мы состоим – сокращения, созерцания, претензии, самомнения, удовлетворения, усталости, - образуют базовую область пассивных синтезов. Пассивный мыслящий субъект определяется не просто восприимчивостью, то есть способностью испытывать ощущения, а сокращающим созерцанием, создающим сам организм до того, как создаются ощущения. Мыслящие субъекты – личинки субъектов, мир пассивных синтезов создаёт систему мыслящего субъекта в условиях, требующих определения, но это система распавшегося мыслящего субъекта. Мыслящий субъект возникает, когда где-то появляется беглое созерцание, где-то начинает работать машина сжатий, способная в какой-то момент вы-

манить различие у повторения. Мыслящий субъект лишен модификаций, он сам модификация».

Движение естественно – научного идеала психологии к гуманитарному (человекомерному) опознается в персональных системах психоаналитиков, менталистов, гуманистов, озадаченных переходом от редукционизма физиологии, логики, семиотики, укорачивающих «человека ни много, ни мало на специфически человеческое измерение». Вне этого движения развитие кризиса методологического идеала психологии заблокировано для описания и объяснения новых феноменов психики. Проблемы отражения и конструирования реальности сознанием человека, изменение соотношения непосредственного и опосредствованного в его содержании, его открытости и закрытости для Другого, тотальной вербализации перцептивных модальностей человека, взаимосвязи между его дискурсивным и недискурсивным опытом в качестве кризисных проблем психогенезиса обращены к поиску неэциентистских концептуальных рамок. Сосуществование разных метаэпистемологических ориентаций приносит продуктивные плоды в новом качестве понимания осмысленности психики человека. Новая эпистемологическая направленность складывается и как «разгерметизация» множественности смыслов сознания, и как преодоление старой парадигмы через генерирование новых объяснительных моделей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Schweder, Richard A. Cultural Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge. Cambridge University Press. 1984*
2. *Richard A. Shweder and Robert Le Vine. Cultural Theory; Essays on Mind, Self, and Emotion Cambridge University Press 1984*
3. *Roy G.D.Andrade. Cultural Meaning Systems. Yn: Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion, Cambridge*

- University Press, 1984.
4. *Schweder*. Ibid. 1
5. *Theodore Schwartz*. New direction in Psychological Anthropology. Cambridge University Press, 1994.
6. *Щедровицкий Г.* Понимание и интерпретации схемы знания.
7. *Фуко М.* История безумия в классический век. М., 1997.
8. *Фрейд З. Я и Оно.* Тбилиси, 1991.
9. *Делез Ж.* Различие и повтор. С-Пб. 1998. с.100.

CONSTRUCTIVISM OF CONSCIOUSNESS AND HERMENEUTICS LOST MEANING OF SENSE (EXPLANATORY MODELS)

© 2002 T.K.Rulina

Samara State Pedagogical University

The article is devoted to interdisciplinary psychological approaches explaining the most disputable concept of contractibility of consciousness, and also modern scientific models of understanding so-called the creative mind and its semantic content in the history.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

© 2002 В.В.Шарапов

Самарский государственный педагогический университет

В статье рассматривается проблема сохранения и развития историко-этнографических особенностей неславянских народов Поволжья как определяющее условие их консолидации, совершенствования национального самосознания и интеграции в российскую нацию.

Необходимым условием построения в России демократического, правового общества является совершенствование национального самосознания и межкультурного взаимодействия населяющих ее наций, народов и на этой основе преодоление межэтнической замкнутости и дезинтеграции. Раздробленное по этническому признаку массовое российское сознание выступает серьезной проблемой при достижении обозначенных целей. Более того, натянутые межэтнические отношения, не говоря уже о конфликтах, грозят государственной целостности, а следовательно, самому существованию России. Определение первопричины межнациональной конфронтации, выявление психологических механизмов преобразования национального патриотизма в воинствующий этнонационализм, заставляет акцентировать внимание не только на анализе отдельных этнических противоречий, но и на исследовании самого процесса их протекания. В результате становится очевидным, что без осмысления исторических и этнографических корней, совершенствования этнической идентичности и осознания на этой основе каждым народом страны, predeterminedенной всем ходом исторического процесса национально - государственной общности, невозможен процесс консолидации населения России, а следовательно поступательного развития общества и государства. В этом плане исключительный интерес представляет Поволжский регион, особенно его центральная часть - Среднее Поволжье, являющееся колыбелью этно-

генеза многих наций и народов, имеющее пестрый национальный состав в настоящее время.

Объектом этно - психологического исследования данной статьи были обозначены 9 неславянских народов, относящихся к различным языковым семьям и группам, имеющим разнообразный антропологический состав. Это коми, коми-пермяки и удмурты (пермская ветвь, фино-угро-самодийский языковой семьи); марийцы и мордва (волго - финская ветвь той же семьи); башкиры, татары и чуваша (тюркская ветвь, алтайская семья языков); калмыки (монгольская ветвь вышеупомянутой семьи). Тем не менее, все отмеченные этносы имеют определенную общность в культурно - историческом и социальном отношении, что является определяющим фактором объективного изучения их этногенеза.

Историко-этнографические области Восточной Европы складывались исторически; их границы и этнический состав не были одинаковыми в разные временные периоды (1). Развитие производительных сил и производственных отношений (неравномерное у разных этнических групп), хозяйственная специализация, способствующая расширению контактов (в частности экономических), формирование экономических центров (городов) и т.п. составляют группу зонообразующих факторов. В ходе истории ее воздействие частью совпадало, а частью вступало в противоречие с разнообразными политическими, культурно - этническими и другими историческими факторами, которые так-

же играли свою роль в процессе хозяйственно - культурного освоения природных условий и разнообразия этнических территорий.

На современном этапе развития общества, можно отметить определенную историко-этническую периодизацию процесса, приведшего, в конечном счете, к формированию и затем к современному состоянию Поволжского региона. В рамках этой периодизации удастся выделить следующие семь главных этапов:

1. Вероятно, в III - начале II тысячелетия до н. э. Сформировалась прибалтийско-волжско-уральская неолитическая общность. Исследователи полагают, что создателями и носителями этих неолитических культур были финно-угорские племена, потомки которых приняли участие в сложении более поздних этносов в Поволжье.

2. Следующий этап, охватывающий III тысячелетия до н. э. возможно, первые столетия н. э., связан с развитием производящих форм хозяйства, выделением из общего массива финно - угров пермской и волго-финской языковых общностей, установлением достаточно тесных контактов с индоевропейскими степными этноязыковыми массивами и - к концу периода - с тенденцией к сложению обширной культурно-исторической зоны, включавшей район Поволжья.

3. Третий этап (от середины I тысячелетия н. э. до начала XIII в.) характеризуется постепенным изживанием первобытнообщинных отношений и становлением феодализма, взаимодействием финно-угорского населения с раннетюркским, возникновением болгарского феодального государства и превращением вследствие этого Среднего Поволжья в область притяжения различных этнических групп.

4. Четвертый этап (XIII - первая половина XVI в.) наполнен событиями и процессами, связанными с позднетюркской иммиграцией, постепенной консолидацией основных коренных этносов региона, а также с оформлением некоторых существенных черт, свойственных этническому облику современного Поволжья.

5. Очередной этап (с середины XVI в. до Октябрьского переворота) в социально-экономическом отношении включает две разные эпохи - феодальную и капиталистическую, этноисторическом смысле он также может быть выделен, так как связан с широкой русской миграцией, существенно изменившей этнический состав населения и этнокультурную ситуацию в крае: активизацией межэтнических контактов и взаимодействий.

6. Предпоследний этап (с 1917 г. по 1991г.) - советская эпоха, имевшая определенное этнокультурное значение: национально - государственное строительство, развитие всесторонних связей, контактов и взаимодействий между всеми народами Поволжья; внедрение в быт идеологии интернационализма

7. Последний этап (начало 90-х годов XX столетия по настоящее время) - эпоха широкомасштабных демократических преобразований в обществе и государстве - характерен диаметрально противоположными, взаимоисключающими этно-социальными и культурными тенденциями. С одной стороны - развитием интегративных национально - культурных процессов, направлений; с другой - ростом сепаратистских, националистических, а в ряде случаев шовинистических настроений на Волге.

К началу I тысячелетия н. э. на обширных пространствах лесной зоны Северо - Восточной Европы расселились охотничье - рыболовецкие племена, знакомые с примитивным земледелием и скотоводством. Южнее их, в зоне смешанных и лиственных лесов, обитали племена, перешедшие к ранним формам земледелия и животноводства, обладавшие навыками изготовления и использования железных орудий. Еще далее к югу, в лесостепных областях, жили подвижные группы населения, основным занятием которых было кочевое и полукочевое скотоводство.

Археологические и ранее письменные источники позволяют в общих чертах установить этнический состав этого населения. Огромные пространства в бассей-

нах Северной Двины, Печеры, Камы, Верхней и Средней Волги были заселены различными группами финских племен (в том числе и теми, которые оставили памятники ананьинской, городецкой и дьяковской археологических культур). В Прикаспии и Поволжье вплоть до предгорий Южного Урала кочевали или жили оседло ирано-язычные сарматские (аланские) этнические группы.

В середине и второй половине I тысячелетия н. э. этническая карта Поволжья приобретает более определенные очертания. Интенсивные миграции разноплеменного, преимущественно кочевого, населения существенным образом затрагивали не только обитателей Нижней Волги, но и жителей гораздо более северных областей. Внутренние факторы социального развития, усиленные внешней опасностью, стимулировали процессы этнической консолидации. На Волге и Оке возникают племенные объединения *мордвы* и *мери*, позднее - *черемисов (марийцев)*. В VII в., теснимая хазарами, на Среднюю Волгу переселяется сильная группировка тюрков - *булгар* (впрочем, отдельные случаи проникновения тюркских элементов в Поволжье не исключаются и в предбулгарское время).

Переселения булгар и образование феодального государства - Волжской Булгарии (X - XIII вв.), подчинившей многие аборигены этнические группы, существенно изменили этнокультурную ситуацию в Поволжье и прилегающих к нему областях. С этого времени участие тюркского элемента стало постоянным фактором в этногонии местного края, а экономическое и культурное воздействие булгар затрагивало не только *черемисов, мордву, буртасов, мерю, мурому, мещеру*, но даже весьма далекие этносы - *весь, пермь и югру*.

Конец I и начало II тысячелетия были ознаменованы появлением третьего этнического элемента, сыгравшего в дальнейшем весьма важную роль в этнокультурной истории Поволжья, - славянского. Расселение славянского (позднее русского) компонента в Поволжье создало новое направление этнокультурных

взаимодействий, которому предстояло в будущем стать наиболее существенным и которое не прервалось даже в результате разорения Руси и Поволжья ордами Батыя в первой половине XIII в. В золотоордынский период в Поволжье снова расселились значительные группы тюрков (кыпчакской ветви). Они приняли участие в формировании *татар и башкир*, в большей или меньшей мере смешиваясь с булгарами, ранее пришедшими сюда тюркскими группами и фивами. Часть булгар, не испытавшая заметного воздействия кыпчаков, постепенно включила в свой состав некоторые группы волго-финского происхождения (в частности, древнемарийские) и тем самым дала начало *чувашискому* этносу. Несколько позднее оформились этнические территории *коми (зырян)* и *удмуртов*. К рубежу XV - XVI вв. этнический состав населения края, видимо, приобрел близкий к современному вид.

Включение народов Поволжья первоначально в сферу влияния, а затем - после при-соединения Казанского ханства - в состав феодального Русского государства создавало условия для приобретения здесь этническими процессами некоторых новых черт и особенностей. Можно говорить, в частности, о более интенсивном развитии ассимиляционных процессов (меря, мурома, мещера, быть может и буртасы постепенно растворились в русском населении). Что касается более крупных этносов, то одной их особенностей их развития (за исключением, пожалуй, башкир и позднее калмыков), стало массовое включение представителей местных правящих слоев в состав русского феодального класса, а позднее - в состав русской буржуазии.

Взаимодействие финно-угорских и тюркских народов края, особенно славянское влияние имели колоссальные последствия для этнического развития народов, населяющих волжский регион, в том числе татар и башкир.

В плане расселения этносов возникновение здесь этнически смешанных деревень, а также многочисленных сел и

деревень русских переселенцев-крестьян способствовало развитию дисперсности в размещении аборигенных народов, их большей подвижности, усилению контактов между ними. Все это в свою очередь оказало заметное влияние на культуру, определило направления культурных взаимодействий, способствовало выработке множества культурных черт, общих для населения всего Поволжья (можно указать, например, на рас-пространение среди народов региона плуга-сабана, однотипных чеканных украшений, сходных типов жилищ, языковых заимствований и многое другое).

Вместе с тем, культура народов Поволжья - в разных районах по-разному - оказала определенное воздействие на культуру и быт русского населения (2). Кроме того, в ходе освоения еще более восточных районов - Приуралья, Урала, Сибири - территория Поволжья служила как бы аванпостом, отправляясь от которого русские и аборигенное население нередко действовали совместно (следует подчеркнуть большую роль всех народов Поволжья в заселении Башкирии, Коми - в открытии и освоении Севера и Сибири в XVI-XIX вв.) (3). Формированию историко-этнографической области, таким образом, способствовали этнически смешанное (дисперсное) расселение народов, экономические связи между ними и отдельными регионами, эволюция хозяйственных занятий всех населяющих регион народов к более однородным и развитым формам хозяйственной деятельности (в данном случае - к пашенному земледелию и комплексному земледельческо-животноводческому хозяйству), распространение и закрепление в повседневном обиходе населения края сходных черт в материальной и (в той или иной степени) духовной культуре, взаимопроникновение лексики, постепенно усиление интенсивности этнического (в том числе семейно-брачного и культурного) взаимодействия. Названные здесь факторы обусловили развитие тенденций культурно-этнической интегра-

ции, которые неодинаково проявились у отдельных народов, способствовали сближению народов и взаимообогащению их культур, отнюдь не отменяя своеобразия взаимодействовавших этносов.

В плане социального развития включение народов Поволжья в состав России приобщало эти народы к совместной общественной жизни, поставило перед ними общие социальные проблемы, среди которых центральное место занимала освободительная борьба против феодальной эксплуатации. В начале XVII в. (1606-1607 гг.) в Поволжье были слышны отзвуки антифеодального восстания, возглавленного И. Болотниковым. В 1670-1671 гг. этот регион становится одной из областей, охваченных крестьянской войной под предводительством С.Т. Разина. Спустя 100 лет крестьянская война под руководством Е.И. Пугачева привела в движение почти все народы Поволжья. В ходе освободительной борьбы они постепенно приобретали сознание общности социальных интересов, преодолевали традиции этнической разобщенности.

В историко-культурном отношении, и это следует подчеркнуть, русское крестьянское население способствовало распространению среди местных народов многих ранее неизвестных элементов и полезных навыков: трехпольного севоборота, огородничества, новых видов сельскохозяйственных культур, более совершенных типов жилых и хозяйственных построек. II-образного типа размещения построек на усадьбе, уличных типов поселенки, новых форм мебели и т.п. Однако, расселившись среди новых иноэтничных соседей, русские крестьяне в свою очередь восприняли от них немало культурных черт, нередко вместе с характерными названиями, происходящими из местных - тюркских или финских языков. В ряде районов расселения русских в Поволжье применялось местное пахотное орудие - тяжелый плуг сабан, пользовалась популярностью полихромная роспись фронтонов домов (типичная, в час-

тности, для татар), было известно приготовление катыка - своеобразной простокваши (характерной для татар и башкир), а также пельменей (их происхождение определено связано с коми и удмуртами), имели место и многие другие культурно-бытовые заимствования из местных источников.

Развитие производительных сил способствовало консолидации этнических общностей, населяющих волжский регион. Однако этот процесс протекал неравномерно. Проникновение капиталистических отношений в национальную деревню, конечно, отличалось относительно замедленным темпом, более или менее крупные капиталистические предприятия, хотя и размещенные в пределах этнических территорий были теснее связаны с общероссийским, а не с местным рынком. Значительная часть местного крестьянства втягивалась преимущественно не в развитие промышленности, а занималась отхожими промыслами (земледельческими в соседних русских губерниях, рубкой и сплавом леса, бурлачеством, извозом и т.п.). В силу этих и других причин социально-экономического характера большинство народов Поволжья не сложилось в буржуазные нации. Только татары в течение второй половины XIX и в начале XX в. сформировались в буржуазную нацию.

Октябрьская революция 1917 года определенной степени изменила не только социальные отношения, но и социально-этническую ситуацию в описываемом регионе нашей страны. Формально был решен такой существенный вопрос, как государственно-политическое устройство живущих здесь народов (создание государственных автономий в составе Российской Федерации), а также реализовано на практике: подъем экономики (индустриализация этих республик, коллективизация сельского хозяйства, строительство важных компонентов инфраструктуры), развитие образования на языках местных национальностей, создание профессиональной художественной

культуры (литературы, театра, изобразительного искусства), подготовка квалифицированных кадров из среды коми, удмуртов, марийцев, мордвы, татар, башкир, чувашей и калмыков (в том числе и кадров технической, гуманитарной и творческой интеллигенции).

Рост экономики областей и республик Поволжья в советский период имел своим последствием, с одной стороны, значительные перемены в социальном составе их населения (формирование многочисленных контингентов рабочих - представителей местных национальностей, складывание национальной интеллигенции), а с другой - укрепление внутриэтнических экономических связей, прежде развитых весьма слабо. Все это способствовало тому, что уже к концу 1930-х годов более крупные народы региона, преодолевая различия между этнографическими группами в рамках отдельных этносов и вырабатывая общие языковые и культурные формы, сложились в современные нации России.

Среди общих тенденций и закономерностей развития, консолидации наций Поволжского региона важнейшее значение имеет процесс урбанизации (4). Появление и распространение еще в феодальное время городов и городских форм быта следует поставить в связь с фактами этнокультурной истории (культурным обменом, консолидационными процессами и т.п.). Вместе с тем нужно учитывать, что степень урбанизированностиTM национального населения в пределах Поволжья в конце XIX-начале XX столетий оставалась крайне незначительной. Индустриализация края в советский период вызвала к жизни достаточно бурный процесс урбанизации его населения, в особенности его национальной части(5).

Процесс урбанизации был теснейшим образом связан с ростом подвижности населения в целом, что сказалось на изменении характера его размещения в сторону повышения дисперсности расселения (см. табл.).

Таблица. Расселение народов Поволжья в 1979 г.*

Национальность	Живут в пределах республики, составляя:				
	% от своего народа	% от всех жителей республики	Национальность	% от своего народа	% от всех жителей республики
Башкиры	68,3	24,3	Коми	85,9	25,3
Удмурты	67,2	32,1	Мордва	28,4	34,2
Чуваши	50,7	68,4	Татары	25,9	47,6
Марийцы	49,3	43,5			

*Вестник статистики, 1980, №2, с. 24-26; №7, с. 45-49.

Все эти тенденции, усиленные и подкрепленные развитием средств транспорта и связи, массовых коммуникаций (радио, телевидение, пресса) и системы образования, привели к возникновению и утверждению качественно новых форм межэтнических отношений и взаимодействий, закономерных для современного общества, которые характеризуются прежде всего всесторонним сближением наций. Такое сближение происходит, как известно, на основе максимального развертывания внутренних потенциалов этих народов, чему в огромной мере способствуют широкий межнациональный обмен и взаимопомощь во всех областях экономической, социальной и культурной деятельности.

Следует отметить, что межэтнические контакты на современном этапе развития общества, в период его демократизации, не только стали постоянно действующим фактором, но приобрели общий характер, заняв прочные позиции во всех существенных сферах жизни народов Поволжья: в территориальном межпоселенном и внутриселенном соседстве, в труде (многонациональные производственные коллективы), в общественной и административной областях деятельности, наконец, в таких сферах человеческой жизни, как отношения личной дружбы и брачного партнерства (межнациональная брачность).

Следует особо подчеркнуть, что в ходе исторического развития описываемого района определились основные направления межэтнических контактов, связей и взаимодействий.

При сохранении существенного значения взаимодействий между коренными этносами (в особенности на межличностном уровне) основным этническим партнером коренных народов в рамках Волжского региона стало местное русское население. -Так, в каждой автономной республике Поволжья доля русского населения весьма значительна (она составляет в разных республиках от 1/3 до 2/3), особенно в городах, что имеет определяющее значение для развертывания межэтнических взаимодействий.

Существенным показателем развития процесса межэтнического сближения справедливо принято считать рост числа национально смешанных браков. Этот процесс характерен для России вообще, но в Поволжье он отличается повышенной интенсивностью. Не менее важный показатель - расширение и углубление двуязычия и многоязычия в семьях. Наряду с широко и повсеместно функционирующими языками коренных национальностей русский язык стал языком межнационального общения, сближения и объединения во всех сферах социальной жизни - на производстве, в общественных местах и даже в семейной жизни.

Расширение масштабов промышленного строительства (Камский автомобильный и Чебоксарский тракторный заводы, развитие транспортной сети, сплошная электрификация села, сближение характера сельскохозяйственной труда с промышленным и т.п. существенным образом изменяли быт народов, стиль и образ их жизни, перестроили не только

производственный и: общественный быт, но также сферу семейных отношений и домашнего обихода. Радикально изменилась структура свободного времени у народов Поволжья: в составе внерабочего времени все большее место занимают расходы на удовлетворение культурных запросов и потребностей.

В материальной культуре описываемых народов за минувшее столетие совершились важные перемены. Они коснулись одежды, в которой традиционные формы почти вытеснены современными (традиционную одежду постоянно носят далеко не все даже пожилые женщины; девушки подчас надевают традиционный костюм только для посещения свадебных церемоний; этот тип одежды также широко используют театры, профессиональные песенно-танцевальные ансамбли и коллективы художественной самодеятельности). Существенно (на 70-80% на селе и еще больше в городах) обновлен жилой фонд, в котором значительно сократилось число построек традиционного облика. Вместо них возведены жилища, более отвечающие современным требованиям с точки зрения удобства, гигиены и эстетики. Интересно, однако, отметить, что в современной архитектуре (в особенности в сельской местности) заметно стремление населения сохранить некоторые черты традиционного домостроительства (в декоре, иногда в планировке, а также в интерьере жилища). Традиционные предметы обихода и утвари в основном заменила утварь промышленного изготовления. Традиционное полнее сохраняется: в народной пище. Едва ли нужно специально говорить о том, что такие существенные элементы материальной культуры, как орудия и средства труда, в прошлом отличавшиеся крайним архаизмом и некоторым этническим своеобразием, в наше время представлены машинами и оборудованием индустриального происхождения. Все это создает немало общих черт в материальном облике современных этносов Поволжья.

Вместе с тем сокращение, вытеснение или изживание традиционного составляют лишь одну сторону происходящих здесь этнокультурных процессов; их другая сторона, не менее мощная и более важная, - рекультурация, состоящая в сохранении, сбережении и использовании традиционных элементов культуры и быта, в их воспроизведении на новой технико-профессиональной основе - в современном профессиональном художественном творчестве, архитектуре, дизайне и т.п. Большинство народов Поволжья даже в начале XX столетия не имело развитой профессиональной культуры. Она сложилась и получила развитие во второй четверти истекшего века, в частности в процессе переработки и профессионально-художественного освоения народно-фольклорных форм культуры. В связи с этим общая тенденция этнокультурного развития выражается сложно и противоречиво: существенное сокращение традиционного в сфере материальной культуры, быта и фольклора сопровождается рекультурацией и, кроме того, увеличением мощности слоя профессиональной духовной культуры, что находит свое выражение в расцвете многонациональных литератур, театра, музыки, изобразительного искусства и т.п.

В итоге взаимодействия всех этих тенденций в культуре, быте и других компонентах изучаемых этносов сложилось такое сочетание традиций и инноваций, которое, с одной стороны, является выражением сближения этих этносов, а с другой - знаменует внутри каждого из них бурный рост разнообразия культурно-бытовых форм, который обеспечивает широкие возможности, перспективы дальнейшего культурного развития и интеграцию в российскую нацию:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Иванов В.А., Моисеева Н.Н. Волга-Уральская историко-этнографическая область (история формирования и со-временное функционирования) // Всесоюзная сессия

- по итогам полевых этно-графических и антропологических исследований. 1978-1979. Уфе, 1980.
2. *Бусыгин Е.П.* Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966.
 3. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956, Т.1, ч.1; Вопросы истории Коми АССР. - Сыктывкар, 1975.
 4. *ХаревБ.С.* Проблемы городов. Москва, 1975.
 5. *Терентьева Л.Н.* Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере. Советская этнография, 1972, №6.

HISTORICAL, ETNOGRAPHICAL AND ETHNICS PECULIARITIES OF NON-SLAVIC POPULATION OF MIDDLE VOLGA

© 2002 V.V. Sharapov

Samara State Pedagogical University

The article is discussing the problem of saving and developing historical, ethnographical and ethnics peculiarities of non-Slavic population of the Middle Volga Region. It is agued to be a crucial condition of their consolidation, developing national identity and integration into the Nation of Russian Federation.

ФОРМИРОВАНИЕ НООСФЕРНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

© 2002 Е.И. Чердымова

Самарский филиал Университета Российской Академии Образования

В последние годы проблема экологического сознания широко исследуется в отечественной психологии. Усилия целой плеяды ученых - исследователей были направлены на анализ различных подходов к изучению экологического сознания. В данной статье основное внимание обращено на рассмотрение ключевой задачи, которую предстоит решить человечеству в новом веке - развитие ноосферного экологического сознания. В связи с тем, что экологическая проблема взаимодействия человека и природы, а также воздействие человеческого общества на окружающую среду стала очень острой и приняла огромные масштабы автор статьи предлагает проследить этапы развития экологического сознания.

*Мы, столь радикально изменили нашу среду,
что теперь для того, чтобы существовать в этой
среде, мы должны изменить себя.*

Н. Винер

В последнее десятилетие вокруг взаимоотношений человека и природы идут острейшие дискуссии. Появилось понятие «глобальная» экологическая проблема, к которой приковано особое внимание мировой общественности, правительств, международных организаций. Теперь нет недостатка в фактах для ее обсуждения, более того, многие из них очевидны и доступны каждому, кто хотел бы встать на экологическую точку зрения. Поэтому на повестке дня - правильное понимание экологической проблемы, без которого знание фактов само по себе недействительно, неэффективно.

Расширяя и усиливая антропогенное и техногенное давление на природу, общество сталкивается с многократно воспроизведенным «эффектом бумеранга»: разрушение природы оборачивается экономическим ущербом и социальным уроном. Природа не в состоянии собственными силами восстанавливать нарушаемое экологическое равновесие, воссоздавать изъятые у неё блага в соответствующем объеме.

Об опасности природопокорительной деятельности человечества говорить начали лучшие его представители еще в прошлом веке. Генри Торо, Владимир Вер-

надский, Джон Рескин, Николай Рерих, Альдо Леопольд и многие другие. Тогда на рубеже веков они были почти одинокими провидцами, понимавшими куда катится цивилизация, взяв курс на технократический путь развития. Человечество рано или поздно само себя уничтожит если не поймет, что оно лишь частичка природы, которую нельзя покорить.

Таким образом, подлинная перспектива выхода из экологического кризиса - не только в изменении производственной деятельности человека, но и его образа жизни, его сознания.

Тысячелетиями люди боролись с природой, покоряли ее, преобразовывали, уничтожали. В борьбе с природой и себе подобными человечество проглядело две великие истины:

1. человек существует и развивается за счет природы;

2. не противоборство, а взаимопомощь — основа всего сущего на Земле.

Она первична, борьба - вторична.

Люди приклонялись перед прогрессом техники, промышленным развитием и не заметили, как истощилась природа. Измененная нами природа довлест над нами. Брошенный нами бумеранг возвращается. Назревает экологическая катастрофа.

трофа. Экологизация общественного сознания в конце XX века отразила вступление человечества в глобальный экологический кризис, который может закончиться коллапсом цивилизации. Как найти из него выход?

Экологическая ситуация вызывает необходимость оценивать последствия любой деятельности, связанной вмешательством в природную среду. Необходима экологическая экспертиза всех технических проектов.

Ещё Ф. Жюлио-Кюри предупреждал: «Нельзя допустить, чтобы люди направляли на своё собственное уничтожение те силы природы, которые они сумели открыть и покорить». Время не ждёт. Наша задача всеми доступными методами стимулировать всякую инициативу и предприимчивость, направленную на создание и внедрение новейших технологий, способствующих решению любых экологических проблем.

Человек связан с природой бесконечными нитями материального и духовного порядка. Нравственная зрелость современной личности определяется его отношением к природе, ко всему тому удивительному, красивому, чарующему, что окружает его. Вследствие этого каждый из нас, независимо от специальности, должен быть в достаточной степени экологически образован. Только тогда мы сможем реально оценивать последствия своей практической деятельности в обществе, которая прямо или косвенно влияет на окружающую среду. Сегодня, когда многие противоречия, конфликты, проблемы могут перерасти локальные рамки и приобрести глобальный общемировой характер, предвидение результатов влияния на природу в ходе повседневной деятельности - одна из самых актуальных проблем современности, и решаться она может лишь на базе глубокой экологической образованности всего человечества. Развивая ноосферное сознание, необходимо иметь в виду, что деятельность человека сказывается на всех сторонах жизни, что сегодня любой

организм в большей или меньшей мере несет на себе печать этого воздействия.

Процесс формирования экологического сознания может быть успешным, если он осуществляется непрерывно, начиная с дошкольного возраста и включает такие психолого-педагогические действия как диагностика и коррекция. При этом непременным условием является сочетание теоретической подготовки с активной практической деятельностью в области охраны окружающей среды.

Исследуя психологические аспекты взаимодействия человека с окружающей средой и природой, отечественные и зарубежные психологи сходятся во мнении, что решение экологических проблем лежит не столько в области разработки новых технологий, сколько в изменении поведения человека, так как уровень монополизма человечества в последнее столетие возрос многократно. Использование могущества цивилизации для его укрепления превратилось в доктрину: наши знания и наше могущество имеют своей основной целью служение покорению природы, хотя развитие человека подчинено тем же общим законам, которым следует и все остальные живые вещества.

Другими словами, экологический кризис - это результат плохой адаптации человека к новой реальности. Но прежде чем изменять поведение человека в данной области, необходимо изучить его. Эту задачу и призвана решить экологическая психология, предметом изучения которой является экологическое сознание. В современный век мировоззрение человека начинается с экологии, с экологического мышления, а воспитание и образование человека - с экологического сознания.

В своих действиях люди исходят из потребностей, мотивов, интересов, преследуют определенные цели, руководствуются идеями. Это и значит, что действуют сознательно.

Сознание, в широком философском смысле, это высшая, специфически человеческая форма активного отражения действительности; в более специаль-

ном - понимание человеком окружающего мира, процессов, происходящих в нем, своих действий, мыслей, своего отношения к внешнему миру и к самому себе; предварительное мысленное построение предполагаемых действий и предвидение их результатов.

Ядро сознания - знания. Ощущения, восприятия и представления - это уровень чувственного сознания. Логическое мышление - высший уровень осознания действительности, это интеллектуальная форма сознания. Сознание проявляется также в форме воли и чувства. Понимание сознания в материалистической психологии и философии обычно происходит из двух принципов: из признания сознания функцией мозга и из того, что он есть отражение внешних воздействий. Классические труды И.М.Сеченова, И.П.Павлова, И.Е.Вернадского, А.А.Ухтомского и их последователей раскрыли рефлекторную природу психики и дали возможность понять сознание, как систему активной деятельности, которая формируется под влиянием внешнего мира. Но отражательная деятельность мозга характеризуется не только ее функциональными механизмами, но и ее содержанием, т.е. тем, что именно отражается мозгом в реальной действительности. Как отражение действительности, сознание предполагает существование того, что отражается, а также того, кто отражает и с помощью какого органа осуществляется процесс отражения. Объектом сознания является материальный мир, духовная культура, сам человек; субъектом

сознания является человек, личность, а органом - человеческий мозг.

Общая характеристика сознания позволяет уяснить сущность и структуру экологического сознания как его важнейшей составной части, а также раскрыть подходы к его изучению и формированию.

Экологическое сознание, как предмет исследования мульти-дисциплинарно по природе и находится на стыке психологии развития, психологии окружающей среды и социальной психологии.

Экологическое сознание представляет собой приобретенное и накопленное человеком знания о закономерных связях, устойчивых равновесиях, взаимообусловленности, взаимозависимости, взаимодействиях живых организмов с окружающей средой и друг другом в сферах самой природы, социума и отдельного индивида — так определяет содержательный аспект экологического сознания Б.Т.Лихачев. И далее он отмечает, что экологическое сознание, его разнообразные дефиниции из формы, может быть сформировано и развито в человеке исключительно посредством целенаправленного систематического, непрерывного образования... .

Вопрос о структуре экологического сознания вообще, можно ставить в двух планах:

- А) строение (компоненты) сознания;
- Б) функции сознания.

В отношении компонентной структуры экологического сознания традиционный и устоявшийся список процессов не вызывает сомнений:

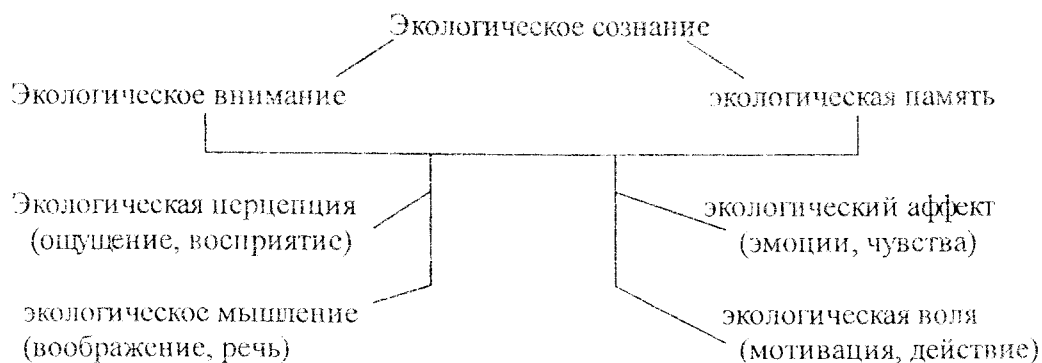

Рис. 1. Структурные компоненты экологического сознания.

Таким образом, экологическое сознание может быть определено как сложное образование, состоящее из структурных (экологическое внимание, экологическая память, экологическая перцепция, экологический аффект, экологическое мышление, экологическая воля) и функциональных компонентов (экологическое целеполагание, экологическое знание, экологическое планирование, экологическое программирование, экологическое прогнозирование, экологическое отношение, экологическое самосознание, экологическая оценка, экологическая самооценка, экологический самоконтроль).

В свою очередь, определив функциональную структуру экологического сознания, мы можем существенно сузить исследовательское поле проблемы и сформировать операциональные подходы ее решения.

Наши исследования также убедили нас в необходимости усвоения учащимися совокупности специальных знаний, умений, навыков, чувств и переживаний, формирующих их экологическое сознание и мышление, развивающих эмоциональную сферу, нравственно-эстетическое и правовое отношение к окружающей среде, природоохранительное поведение, деятельность, образ жизни.

В экологическом сознании как отражении взаимодействия с природой следует выделять: знания о природных явлениях и закономерностях, понимание целей, содержания и способов деятельности с объектами природы, оценки внешнего и внутреннего мира школьников, самооценки личной позиции в отношениях с природой и людьми. Его изучение как отношения требует разграничения, что именно отражается в нем и как отражается, то есть логического отделения объективного содержания суждений от формы, в которой выражено такое содержание.

На наш взгляд, за счет формирования четырех составляющих экологического сознания (знания, эмоции, установки, отношения) кардинально изменится вся система взаимодействия человеческой

личности и окружающего мира. Во-первых, в сознании (подсознании) человека все глубже утверждается идея всеобщей взаимосвязи. А мысль о том, что, воздействуя на часть - тем самым воздействуешь на целое, естественным путем инициирует (внутреннее) состояние человека. Во-вторых, само позитивное знание показывает единство человека и мира, когда все труднее чувствовать себя «микрокосмом», выключенным из «макрокосма». Буровский А.М. доказывает, что мир утрачивает характеристики безличного «ОНО».

Развитость и уровень зрелости экологического сознания человека находятся в органической зависимости от его познавательной деятельности, от содержания и глубины овладения им экологическими знаниями, а также от характера и направленности его экологических убеждений, взглядов в целом. Из этого следует, что в экологической активности личностная установка субъекта деятельности направлена на предание природе определенной социально значимой ценности. Система ценностей - это совокупность социальных определений объектов окружающего мира. При этом она может быть связана с определенными сферами приложения активности человека, с характерными способами действия с объектами природы, а так же с внутренними эмоциональными оценками разных аспектов окружающего мира и параметров его деятельности.

Таким образом, в широком плане, понятием «экологическое сознание» можно определить все те проявления сознания личности, которые связаны со всеми видами взаимодействия ее с окружающей средой, так как в структуру экологического сознания входят: познавательные процессы, с помощью которых человек постоянно обогащает свои знания; способность осуществлять самопознание; обеспечение целеполагающей экологической деятельности и мир чувств, включающий в себя и экологическое отношение.

Рассмотрев структуру, функции экологического сознания, а также перспективы его развития мы видим, что в настоя-

шее время, единственная альтернатива стихийному формированию экологического сознания - это разумное целенаправленное развитие ноосферного экологического сознания, смыслом которого будет осознание того взаимоотношения природы и общества, которое необходимо для взаимной адаптации всего живого на земле, способной обеспечить продолжение истории рода человеческого.

Отношение человека к природе, к экологическим проблемам социально обусловлено, так как существует определенная связь между философскими представлениями, культурными стандартами и поведением человека. Основные этапы социогенеза экологического сознания были выявлены С.Д.Дерябо и В.А.Ясвиным, но мы дополнили их и выстроили в виде следующей схемы:

Таблица №1. Этапы социогенеза экологического сознания

№	Виды экологического сознания	Сущность взаимоотношений человека и природы	Основные психологические проявления
1.	Архаическое	Человек – часть единой природы. Нет отделения человека от природы	Высокая степень психологической включенности человека в мир природы.
2.	Анимистическое	Обожествление природы. Боги равны природе в ее Проявлениях	Психологическая зависимость человека от природы.
3.	Автономное	Человек и природа равны перед богами, но отчуждены друг от друга.	Психологическая противопоставляемость человека и природы.
4.	Прагматическое	Природные объекты лишаются своей самоценности и выступают как объекты потребности.	Психология утилитарного отношения к природе.
5.	Антропоцентрическое	Противопоставляемость человека как высшей ценности и природы как его Собственности.	Сугубо потребительская позиция человека по отношению к природе.
6.	Экоцентрическое А) американский и вайроментализм Б) русский космизм В) биоцентризм	Необходимость единства человека и природы. Противоречие между Разумом и Природой неизбежно, но Разум ответствен за отыскание путей его Разрешения. Мир – это единое целое. Не существует деления на объекты и субъекты природы.	Исчезновение психологической границы между человеком и окружающим миром.
7.	Ноосферное	Доведенное до автоматизма понимание неразрывной связи человека и природы. Умение и привычка действовать так, чтобы сохранить устойчивое развитие человека и природы.	Гармоничное психологическое слияние человека с природой.